

ОСВОБОЖДЕНИЕ

ОТ

ТРУДА

EMANCIPATION

FROM / OF

LABOUR

“ЧТО ДЕЛАТЬ?” | ГАЗЕТА НОВОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ | “WHAT IS TO BE DONE?” | THE NEWSPAPER OF THE NEW CREATIVE PLATFORM

supported by The Museum of Contemporary Art KIASMA | при поддержке Музея Современного искусства KIASMA

The question is not what goal is envisaged for the time being by this or that member of the proletariat, or even by the proletariat as a whole. The question is what is the proletariat and what course of action will it be forced historically to take in conformity with its own nature.

Karl Marx: The Holy Family

DMITRY VILENSKY | 9 POINTS FOR INITIATING A DISCUSSION ON THE SUBJECT OF HISTORY

1. History continues. This is an exiting fact that we can no longer ignore. In the current situation, it is useful to re-examine the old Marxist axiom of the proletariat's assumption of its role as an historical subject. What does the proletariat mean today? Which changes has this class gone through? And who can, at present, pretend toward the role of a historical subject?

2. Marx was always eager to relate revolutionary changes in industry to the impending political revolution. To him, it was clear that the steam-engine and other technical innovations of the 18th century contributed more to the revolution of social life than the most prominent political event. In more recent times, it is obvious that the character of labour itself has changed radically, becoming less and less material. More and more people are involved in productive processes whose essence differs fundamentally from classical industrialist production.

3. Workers in the field of intellectual labour – intellectuals and artists – were among the first to develop and master new forms of globalized, networked production. Their “immaterial” labour is loaded with the highest productive potential. Consequently, these forms are also charged with a high potential for resistance or uprising.

4. Any power or authority strives to control this sphere of human activity. The society of control functions on a bio-political level, exploiting not only working hours but also “free time”, which is reduced to the work of consumption. The neo-liberal fundamentalists would like to see all spheres of life as parts of a unified, corporate industry. This control extends to the field of culture. Culture is enclosed within the boundaries of a corporate spectacle, made harmless, alienated from its consumers as well as its producers. In this way, culture is deprived of the possibility for imagining a society whose democratic structures are built through the creative participation of every individual.

5. To quote Slavoj Žižek's lucid commentary: “...The fundamental corrosion of all important social connection released the djin from its bottle: it leads to the movement of hidden centripetal forces, which the capitalist system can already no longer completely control. Thanks to its global triumph, the capitalist system has become more labile than ever. Marx's old formula is still in effect: capitalism is in the process of digging its own grave”.

6. Only creativity can liberate the individual from exploitation and alienation. The opposite of labour is not lethargy, but creative activity, which resists the disciplinary mechanisms of product fetishism. All of what is best in culture is never produced under compulsion or order, nor is it dictated by the tides of intellectual fashion. Real creativity is a celebration, a feast. A priori, it opposes the acceptance of norms that regulate the everyday cycle of production and consumption.

7. Art is that which disrupts the established order, giving rise to a creative chaos, from which utopian forms for a new society can emerge. Culture renews its development when it sets the goal of transforming society's whole. This goal is revolutionary in essence.

8. As in the era of worker's autonomy, today's intellectual and artistic vanguard must reclaim the factories of the cultural industry. If culture recodes any form of negative-critical thought into a spectacle, we must answer by recoding cultural-industrial labour itself, reendowing it with the radical-democratic creative impulses that inalienably lie at its core.

9. However, it is impossible to realize this goal while the production line of images, texts, project is still rolling. Today, we need to pause, to refrain, to stop the conveyor. It is only through this intermission that we will be free to understand in how far our activity is dictated by external circumstances. And in this moment, it will possible to continue to make history. Its historical subjects will be those who feel this inner necessity to reassess the situation at its current stage of development. These singular individuals form a multitude, which has a very real chance of making its own revolution.

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

Д. Виленский | 9 пунктов для начала дискуссий о субъекте истории

D. Vilensky | 9 points for initiating a discussion on the subject

of History | 9 kohtaa keskustelulle historiallisesta subjektista

Юха Силтала, Работа | Juha Siltala, Work

Juha Siltala | Työ

В. Сальников | Образ рабочего в изобразительном искусстве

V. Salnikov | The Image of the Worker in the Visual Arts

Кто такой Тони Негри? | Who is Toni Negri?

Выступление Тони Негри | Рабочий класс или множество?

talk by Antonio Negri | Multitude or Working Class?

Диалог №1 | Восстание среднего класса | Б. Кагарлицкий –

О. Тимофеева | Dialogue №1 | The Revolt of the Middle

Class | В. Кагарлицкий – О. Timopheeva

Художественная забастовка, организованная Стюартом Хоумом

ART STRIKE initiated by Stewart Home

Диалог №2 | Где ваши классы? | коллектив сайта antijob.nm.ru –

А. Пензин | Dialogue №2 | So where the hell are your classes?

collective of the website antijob.nm.ru and A. Penzin

Д. Виленский | Комикс “Труд делает свободным!”

D. Vilensky | Cartoon “Arbeit macht frei!”

Материалы к акции “Стоп-машина” | А. Скидан | Стоп-

машина | А. Магун | 8 вещей, которые вы должны знать

о труде | Materials to the action “Stop the Machine”

A. Skidan | Stop the Machine | A. Magun | Eight Things You

Should Really Know About Labour

Диалог №3 | Позитивный кризис интеллектуального труда

В. Мизиано – Д. Рифф | Dialogue №3 | V. Misiano – D. Riff

The positive crisis of intellectual labour

Н. Олейников | Неэксплуатируемая величина

N. Oleynikov | Non-exploited value

Дмитрий Виленский | 9 пунктов для начала дискуссий о субъекте истории Dmitry Vilensky | 9 kohtaa keskustelulle historiallisesta subjektista

Вопрос не в том, какую цель намечает в настоящее время тот или иной пролетарий, или даже пролетариат в целом. Вопрос в том, что есть пролетариат, и какие действия он исторически будет вынужден предпринять в соответствии со своей собственной природой.

Карл Маркс: Святое Семейство

1. История продолжается, и мы больше не можем игнорировать этот волнующий факт. В этой ситуации есть смысл заново переосмыслить старую марксистскую аксиому о роли пролетариата как субъекта истории. Что значит пролетариат сейчас, какие изменения претерпел этот класс и кто сегодня может претендовать на роль нового субъекта истории?
2. Маркс был всегда готов сопоставить революционные изменения в производстве с политической революцией. Он ясно осознавал, что паровой двигатель и другие технические новшества 18-ого столетия дали значительно больше для революции социальной жизни, чем самые видные политические события. Очевидно, что в последнее время самым радикальным образом изменился характер трудовой деятельности: труд становится всё менее материальным, и все больше людей оказываются вовлеченными в производственные отношения, суть которых оказывается принципиально отличной от классического типа труда рабочего индустриального производства.
3. Работники умственного труда, интеллектуалы и художники оказались одними из первых, кто начал осваивать новые формы глобализованного сетевого производства. Их нематериальный труд обладает наибольшим производительным потенциалом и, в следствие этого, потенциалом восстания.
4. Любая власть стремится контролировать, прежде всего, эту сферу человеческой деятельности. Общество контроля функционирует на био-политическом уровне, когда эксплуататоры не только труд, но и свободное время, редуцируемое к работе потребления. Нео-либеральные фундаменталисты хотели бы видеть все сферы жизни как части единого корпоративного производства, в том числе и культуру, ограниченную безопасными рамками корпоративного зрелища, безопасно отчужденного как от потребителей, так и от её создателей. Тем самым у культуры отбирается сама возможность представлять общество, построенное на принципах творческого участия каждого в становлении своих демократических структур.
5. По точному замечанию Славоя Жижека: "...фундаментальная коррозия всех важных социальных связей выпускает джина из бутылки: она приводит в движение скрытые центробежные силы, которыми капиталистическая система уже больше не силах полностью управлять. Именно благодаря своему глобальному триумфу, капиталистическая система оказывается сегодня более уязвимой, чем когда-либо. Старая формула Маркса все ещё имеет силу: капитализм роет свою собственную могилу".
6. Именно в творчестве заложено освобождение от эксплуатации и отчуждения. Противоположностью труда является не безделье, а творческая деятельность, противостоящая дисциплинарным механизмам товарного фетишизма. Все лучшее в культуре создается не в принудительных условиях, не на заказ и не как следование приливам интеллектуальной моды - подлинное творчество это праздник, и он априори противостоит принятым нормам повсеместной купли-продажи.
7. Искусство это то, что нарушает порядок - то, что создает творческий хаос, из которого могут родиться утопические формы нового общества. Культура возобновляет своё развитие в тот момент, когда она ставит своей задачей преобразование всего социума и эта задача революционна по своей сути.
8. Как и во времена рабочей автономии, деятельность передовых интеллектуалов и художников направлена на захват фабрик производства культуры. В ответ на перекодирование любых форм негативно-критической мысли спектаклем, нам следует, в свою очередь, перекодировать саму работу индустрии культуры и вернуть ей тот творческий радикально-демократический импульс, который является её неотъемлемой частью.
9. Но эта задача невозможна в рамках непрекращающегося конвейера производства образов, текстов, проектов. Сегодня важна пауза, при-остановка, только в этом случае мы обретем свободу и сможем понять, в чем наша деятельность продиктована внешними обстоятельствами. И в этот момент станет возможным продолжение истории. Её субъектом станет каждый, кто чувствует эту внутреннюю необходимость пересмотра сложившейся ситуации. Из этих одиночек формируется множество, которое имеет реальный шанс воплощения своей революции.

1. Historia jatkuu. Tämä on huolestuttava tosiasia, jota emme enää voi jättää ottamatta huomioon. Nykyisessä tilanteessa on hyödyksi tutkia uudelleen vanhaa marxilaista aksioomaa proletariaatin oletetusta roolista historiallisena subjektina. Mitä proletariaatti merkitsee tänään? Mitä muutoksia tämä luokka on käynyt läpi? Ja kuka voi nykytilanteessa tavoitella roolia historiallisena subjektina?
2. Marx suhteutti aina innokkaasti teollisuuden vallankumoukselliset muutokset tulossa olevaan poliittiseen vallankumoukseen. Hänelle oli selvää, että höyrykone ja muut 1700-luvun tekniset innovaatiot myötävaikuttivat enemmän yhteiskunnallisen elämän vallankumoukseen kuin kaikkein huomattavimmat poliittiset tapahtumat. Tätä nykyä on selvää, että itse työn luonne on muuttunut radikaalisti, tullen vähemmän ja vähemmän materialistiseksi. Yhä enemmän ihmisiä on mukana tuottavissa prosesseissa, joiden perusluonne eroaa huomattavasti klassisesta teollisesta tuotannosta.
3. Intellektuaalisella alalla työskentelevät - intellektuellit ja taiteilijat - olivat ensimmäisten joukossa kehittämässä ja ohjailemassa globalisoituneen ja verkostoituneen tuotannon uusia muotoja. Heidän "aineettomaan" työhönsä on latautunut korkea tuottavuuden potentiaali. Sen seurauksena se pitää sisällään myös suuren mahdollisuuden vastarintaan tai kapinaan.
4. Kaikki voimat ja auktoriteetit pyrkivät kontrolloimaan tätä inhimillisen toiminnan kenttää. Kontrolliyhteiskunta toimii bio-poliittisella tasolla, käyttäen hyväkseen sekä työajan että "vapaa-ajan", joka on yhtä kuin työtä kulutuksen parissa. Uusliberaalit fundamentalistit tahtoisivat nähdä kaikki elämän alueet yhdistyneen yritysteollisuuden osina. Tämä kontrolli ulottuu myös kulttuurin alueelle. Kulttuuri on sulkeutuneena yritysmaailman speaktaakkelin rajaamalle alueelle, siitä on tehty harmitonta ja se on vieraantunut sekä kuluttajistaan että tuottajistaan. Tällä tavoin kulttuurilta on riistetty mahdollisuus haaveilla yhteiskunnasta, jonka demokraattiset rakenteet on luotu jokaisen yksilön luovan osallistumisen kautta.
5. Lainataksemme Slavoj Zizekin valaisevaa huomiota: "...Kaikkien tärkeiden soisaalisten yhteyksien perinpohjainen korrosio vapautti pullon hengen: se johtaa kätkettyjen keskiahakuisten voimien liikkeeseen, joita kapitalistinen järjestelmä ei enää voi täysin kontrolloida. Globaalisen voittokulkunsa ansiosta kapitalistisesta järjestelmästä on tullut epävakampi kuin koskaan aiemmin. Marxin vanha väittäminen on yhä voimissaan: kapitalismi on kaivamassa omaa hautaansa."
6. Vain luovuus voi vapauttaa yksilön hyväksikäytöstä ja vieraantumisesta. Työn vastakohtana ei ole horros, vaan luova toiminta, joka vastustaa tuotefetismin kurinalaisia mekanismeja. Kaikkea sitä, mikä on parasta kulttuurissa ei tuoteta pakottamalla tai käskemällä, eikä sitä ohjaa intellektuellismin muodin virtaukset. Oikea luovuus on juhlaa, kestejä. A priori, se vastustaa niitä normeja, jotka hallitsevat jokapäiväistä tuottamisen ja kuluttamisen kehää.
7. Juuri taide häiritsee vakiintunutta järjestystä, synnyttää luovan kaaoksen, josta voi nousta esiin utopistisia malleja uudelle yhteiskunnalle. Kulttuuri uudistaa kehityksensä asettamalla tavoitteekseen koko yhteiskunnan muutoksen. Tämä päämäärä on luonteeltaan vallankumouksellinen.
8. Kuten työläisten autonomian aikakautena, tämän päivän intellektuaalisten ja taiteellisten etujoukkojen täytyy ottaa haltuunsa kulttuuriteollisuuden tuotantolaitokset. Jos kulttuuri uudelleenmuokkaa negatiivis-kriittistä ajattelua speaktaakkeliksi, niin meidän täytyy vastata muokkaamalla uudelleen varsinainen kulttuuris-teollinen työ, varustaan se uudelleen radikaalis-demokraattisilla impulsseilla, jotka ovat pysyvästi sen ytimessä.
9. Kuitenkin on mahdotonta saavuttaa tätä päämäärää kuvien, tekstien, projektien tuotantolinjan yhä pyöriessä. Tänään me tarvitsemme tauon, emme tee mitään, pysäytämme liukuhinnan. Vain tämän kaltaisen keskeytyksen kautta olemme vapaat ymmärtämään kuinka pitkälle ulkoiset olosuhteet määräilevät toimintaamme. Tällä hetkellä on mahdollista jatkaa historian tekemistä. Sen historialliset subjektit tulevat olemaan niitä, jotka kokevat tämän sisäisen välttämättömyyden arvioida tilanne uudelleen sen nykyisessä kehitysvaiheessa. Nämä yksilöt muodotavat moninaisuuden, jolla on todellinen mahdollisuus tehdä oma vallankumouksena.

In the ancient world, there was no such concept as 'work' that would have covered creative self-expression and earning one's daily bread. Work was seen not as a means of self-improvement but as a drudgery - after all, it took away from important things such as politics or philosophy. Even Christianity cast work as a punishment: banished from Paradise, we are obliged to eat our bread in the sweat of our brow. Industriousness was not a pathway to salvation.

The Protestant work ethic, i.e. seeing work as a personal struggle for salvation, did not emerge until the early days of capitalism, at which point the productive use of time by the small entrepreneur became the ideal. The secular ascetic described by Benjamin Franklin gained his pleasure from gathering a fortune, not spending it as in the good life of Antiquity.

The indignation of Marxists drew upon the pre-industrial independence of the craftsman, but they nevertheless admired centralized production, which was at that time putting an end to the business of small independent producers. Modernization, from the point of view of liberals and Marxists alike, and for better or worse, means that production exists primarily for trade, not for self-sustenance. Marx said that work was productive only when it produced a return on investment in a system where work and ownership were segregated.

Hannah Arendt felt that Marx demoted human beings to toiling animals whose only options were productive slavery and unproductive freedom. Marx eulogized work as the highest ideal and preached liberation from its servitude.

The golden age of those who lived by selling their labour came in the boom period after the Second World War: industrial peace was bought and the economy fuelled through a middle-class wage level. There were full-time jobs for nearly everyone. Work ceased to consist of individual performances bought and sold on the market. Social security was defined through labour market citizenship, and a trade or profession defined the personality of an individual. However, working hours were short, and there was surplus energy for doing other things. Even lowly workers began to dream of self-expression.

When growth peaked, the movement of capital was liberated in order to boost it again. As a globally competing investment, work began to drift back to the early days of capitalism: the performance of work again became an individual commodity to be sold at the market price with no guarantee of continued income. Companies and organizations were obliged to downsize their production personnel and outsource as much work as possible to temps or sub-contractors undercutting each other.

The fewer 'typical' employment relationships there are, the more the ideal of a full-time job becomes normative in everyday life. One has to begin assembling a portfolio in infancy to guarantee a good job. Once the job is acquired, it requires working with the drive of an entrepreneur without reaping the benefits. Waiting for work or not having work is a dominant theme in the thoughts of those who slip out of the mainstream of the labour market.

According to sociologist Oskar Negt, never before have people been appraised to such an extent only by how willing they are to be exploited. The norm of self-expression has also stuck, forcing a business-like approach to one's private life as well so as to enable the accumulation of all the necessary experiences that enhance measurable self-value. A workaholic can draw up an exhausting checklist even for a summer holiday.

Work justifies everything. No one does anything for the fun of it any more. Even mourning is euphemized as 'grief work'! The struggle for salvation, however successful, will never yield a bottom line that would enable us to stop and simply be and feel. God is dead in the religion of the competitiveness and the frame of cost-effectiveness, and the production perspective cannot be transcended even in the mind.

When the threshold of sufficiency is no longer defined by a certain number of hours worked or products manufactured, but by fluctuating market performance, workers (or, in a more modern lingo, 'manpower entrepreneurs') can never relax and enjoy their achievements. The competition is always improving, and there is always someone somewhere doing the same thing more flexibly.

Work does not kill, but continuous comparisons are stressful. Workers, even in short-term employment relationships, can see the content of their work as interesting and motivating. Job satisfaction comes from the work itself, while job dissatisfaction arises from the terms of employment. Many would be quite content to work if there were no other people in the workplace against whom to defend one's job and whom one has to make sure are not slacking. Mutual espionage surrenders control of one's life.

Work exhaustion has become an initiation rite into adulthood in the sense that an adult must accept his limits. Capital can seek unlimited growth, but a worker cannot. A burn-out victim must, literally on pain of death, face the facts and abandon the illusion of being able to control the reactions of others by satisfying their demands. However, an adult does what he can. People who take early retirement are much busier than people who are still working - they are again able to do things simply because doing them is in itself satisfying. Piling up logs at one's summer cottage without having to tick off every single log on a balanced scorecard is a pick-me-up.

Античный мир не знал понятия "труд", которое было бы одновременно и средством для поддержания жизни и способом самовыражения. Труд рассматривался не как средство самосовершенствования, а только как деятельность, отвлекающая от целенаправленных занятий политикой или философией. Христианство считало труд наказанием. Изгнанные из рая должны в поте лица добывать свой хлеб. Протестантская этика, сложившаяся как борьбу за личное спасение, появилась только на этапе раннего капитализма. В тот момент, идеалом стал мелкий предприниматель, эффективно распоряжающийся своим временем. Этот аскет черпал наслаждение в накоплении собственности, а не в её использовании. Марксисты испытывали моральное раздражение от самостоятельности ремесленника и восхищались централизацией производства, которое положило конец мелкому независимому предпринимателю. Для марксистов (так же как и для либералов) модернизация означает только то, что производство назначается в первую очередь для обмена, а не для удовлетворения нужд. Маркс определял труд как производительный только в том случае, когда он приносит проценты на вклад в систему, где труд и собственность отделены друг

от друга. Маркс восхвалял работу как самый высокий идеал и, в то же время, проповедовал освобождение от её рабства. Для тех, кто жил продажей своей рабочей силы, золотое время началось в период подъема, после второй мировой войны, когда экономическое процветание обеспечивалось заработной платой среднего уровня и почти у каждого была постоянная работа. Труд перестал быть просто одним из товаров, продающихся на рынке. Была обеспечена социальная защита и профессия определяла ценность личности. Рабочее время было коротким, и работнику хватало сил для внепроизводственных занятий. И даже низко оплачиваемые рабочие начали мечтать о самовыражении. Когда этот подъем закончился, капитал освободил себя от социальных обязательств, для того чтобы найти новые источники прибыли. Труд стал объектом вложения инвестиций на основе глобальной конкуренции, и вновь приблизился к определению труда раннего капитализма, т.е. стал индивидуальным товаром, который продается по рыночной стоимости и ничем не защищён. Фирмы и организации вынуждены были минимизировать количество используемого труда или использовать услуги конкурирующих подрядчиков. Чем меньше предложений "нормаль-

Antiikin maailmassa ei tunnettu sellaista 'työn' käsitettä, joka olisi kattanut sekä raadannan elämän ylläpitämiseksi että itsensä toteuttamisen. Työn ei katsottu kehittävin vaan tyypistävän tekijäänsä - olihan siihen käytetty aika pois itsetarkoituksellisista toiminoista, kuten politiikoinnista tai filosofioinnista. Kristinuskokin piti työtä rangaistuksena: otsasi hiessä piti paratiisista karkotettujen leipäänsä syömän. Ahkeroilma ei voinut pelastua. Ns. protestanttinen etiikka eli työn käsittäminen henkilökohtaiseksi pelastuskamppailuksi liittyi vasta varhaiseen kapitalismiin, jonka ihannehahmoksi nostettu pienyritystä sijoitti aikansa tuottavasti. Benjamin Franklinin kuvaama maallinen askeetti ammensi nautintonsa omaisuuden keräämisestä eikä sen kuluttamisesta, päinvastoin kuin antiikin hyvässä elämässä.

Marxilaiset ammensivat moraalisen närkästyksensä riistoa kohtaan esiteollisen käsityöläisen itsenäisyydestä mutta ihailivat silti keskitettyä tuotantoa, joka oli tekemässä itsenäisistä pientuottajista lopun. Sekä liberaalien että marxilaisten kannalta katsoen modernisaatio tarkoittaa hyvässä ja pahassa juuri sitä, että tuotantoa harjoitetaan ensi sijassa vaihdon takia eikä omiksi tarpeiksi.

Marx määritteli työn tuottavaksi työksi vain silloin, kun se tuotti korkoa sijoitukselle järjestelmässä, jossa työ ja omistus oli eriytetty.

Hannah Arendtin mielestä Marx alensi ihmisen pelkäksi "raatajaeläimeksi", jolle ei tarjoutu muita vaihtoehtoja kuin tuottava orjuus tai tuottamaton vapaus. Marxin ristiriita oli samaan hengenvetoon korottaa työ korkeimmaksi arvoksi ja julistaa vapautusta sen orjuudesta.

Työvoimansa myynnillä elävien kulta-aika koitti toisen maailmansodan jälkeisenä nousukautena, jolloin työrauhaa ostettiin ja taloutta vauhditettiin keskiluokkaisella palkkatasolla ja melkein kaikille riitti päätoiminen työpaikka.

Työ lakkasi olemasta pelkkä markkinoilla myytävä yksittäinen suoritus. Sosiaaliturva välittyi työmarkkinakansalaisuuden kautta, ja ammatti määritteli myös sen, kuka mies oikein oli. Työaika oli kuitenkin lyhyt ja voimia jäi muuhunkin elämään. Myös palkkatyöläiset alkoivat haaveilla itsensä toteuttamisesta.

Kun kasvu taittui, sitä koetettiin vauhdittaa pääomaliikkeiden vapauttamisella. Maailmanlaajuisesti kilpailutettuna sijoituskohteena työ palasi lähemmäs kapitalismin alkuaikojen määritelmää, nimittäin yksittäiseksi markkinahintaan myytäväksi suoritukseksi vailla sen kummempia takeita toimeentuloturvasta. Yritykset ja organisaatiot joutuivat ohentamaan suoritusportaan minimiin ja hoitamaan niin paljon kuin suinkin tarvittaessa työhön tulevalle väellälle tai itseään riistäväillä alihankkijoilla.

Mitä vähemmän "tyypillisiä" työsuhteita on tarjolla, sitä enemmän täyspäiväisen työn ihanne normittaa elämää. Pienestä pitäen aletaan kartuttaa portfoliota kunnollisen työpaikan saamiseksi. Sitten kun se on saatu, töitä on paiskittava yrittäjän draivilla vailla mahdollisuutta yrittäjävoittoon. Työn odottelu tai sen puute hallitsee myös niiden ajatuksia, jotka putoavat työmarkkinoiden ytimeistä.

Sosiologi Oskar Negtin mukaan ihmistä ei milloinkaan ennen ole arvotettu näin paljon pelkästään sen mukaan, miten valmis hän on antautumaan hyväksikäytettäväksi. Itsensä toteuttamisen normi on myös jäänyt päälle. Se pakottaa yritystaloudellistamaan myös yksityiselämän, jotta lyhyessä elämässä ehtisi hamuta itselleen kaikki vertailukelpoista miniarvoa lisäävät elämykset ja kokemukset. Työaddikti tekee kesälomastaankin läkähdyttävän suorituslistan.

Työ oikeuttaa kaiken, mitään ei tehdä vain hauskuuden vuoksi. Enää ei edes surra vaan tehdään surutyötä! Pelastuskamppailu ei tuloksellisimmillaankaan tuota sellaista bottom linea, että voisi pysähtyä vain olemaan ja tuntemaan. Tehotalouden uskonnosta Jumala on kuollut eikä tuotantotaloudellista perspektiiviä voida edes ajatuksissa ylittää.

Kun riittävää suoritusta ei enää määrää tietty työtuntimäärä sen paremmin kuin valmiiksi saadut tuotteetkaan vaan vaihteleva markkinamenestys, työntekijät tai nykyaikaisemmin "työvoimayrittäjät" eivät voi koskaan rentoutua lepäämään saavutustensa varassa. Kilpailijat kehittyvät koko ajan, ja aina joku jossain tekee vielä joustavammin.

Työ ei tapa, jatkuva vertailu sen sijaan stressaa. Työntekijät voivat jopa pätkätyöläisinä pitää työnsä sisältöä kiinnostavana ja motivoivana. Työtyytyväisyys nousee itse työstä, työtytymättömyys työn tekemisen ehdoista. Moni jaksaisi työssä, ellei työpaikalla olisi muita ihmisiä, joihin nähden pitää puolustaa asemaansa ja huolehtia, että toinen ei pääse ainakaan helpommalla. Keskinäinen kyttäminen tekee elämästä ulkoa ohjattua.

Työuupumuksesta on tullut initiaatio aikuisuuteen siinä mielessä, että aikuinen joutuu hyväksymään rajansa. Pääomaa voi tavoitella rajatonta kasvua, työntekijä ei. Työuupunut joutuu kuoleman uhalla tunnustamaan tosiasiat ja luopumaan siitä harhaluulosta, että voisi hallita toisten reaktioita tyydyttämällä näiden vaatimukset. Aikuinen tekee kuitenkin sen, minkä voi. Varhaiseläkeläisten vapaa-aika on aktiivisempaa kuin työikäisillä - he voivat jälleen tehdä jotakin vain siksi, että toiminta sinällään on palkitsevaa.

Kun kasaa mökillä omaa halkopinoa merkitsemättä joka ikistä halkoa balanced scorecardin sarakkeeseen, selkä suortuu.

ной" работы, тем больше мечта о её обретении оказывает давление на повседневную жизнь. Буквально с младенчества начинается составление "портфолио" для того, чтобы в будущем получить полноценную работу. После того как место получено, работа оказывается видом предпринимательства, но без всякой надежды на прибыль. Ожидание работы или ее отсутствие постоянно занимает мысли тех, кто выпал из рынка труда. Мы когда прежде человек не ценился в основном за то, насколько он готов подчиниться эксплуатации. Задача самовыражения человека оказалась утерянной, и вся частная жизнь оказалась подчинена экономическому предпринимательству, с целью повышения собственной самооценки. Трудоголик составляет утомительный список дел даже на время летнего отпуска. Труд оправдывает всё. Ничто уже не делается для получения удовольствия. Теперь, когда мы имеем в виду "скорбь", мы говорим: "работа скорби"! Порог эффективности не исчисляется больше ни рабочим временем, ни количеством произведенного продукта, а лишь колебанием рыночной ситуации. Исполнители работы больше никогда не смогут отдохнуть, наслаждаясь достигнутым, так как значение имеет только успех на рынке. Конкуренция все время

усиливается и всегда кто-нибудь работает лучше. Работа не убивает, но постоянная конкуренция порождает стресс. Даже наемные рабочие могут считать свою работу интересной и иметь мотивацию к ней. Удовлетворенность работой зависит от самой работы, а неудовлетворенность от условий работы. Многие бы могли работать, если бы на рабочем месте не было других людей, перед которыми надо защищать свои позиции и заботиться о том, чтобы другой не трудился меньше, чем он. Слежка друг за другом делает жизнь управляемой извне. Бессмысленный, утомительный труд становится инициацией в мир взрослых, в том смысле, что взрослый должен осознавать свои границы. Капитал может стремиться к неограниченному росту, но трудящийся - нет. Измученному работой придется признать этот факт и отбросить все иллюзии. Люди, рано вышедшие на пенсию, проводят свое свободное время активнее, чем работающие. Они могут делать что-то просто так, потому что работа сама по себе награда. Когда, например, собирая на даче дрова в поленицу, не рассматриваешь каждое полено отдельно, и спина распрямляется, когда поленица собрана.

Бывшие советские люди, возможно, еще помнят официальные лозунги советской поры, восхваляющие рабочий класс и его изображения, а в придачу к ним и широко распространенную взаимную неприязнь между рабочими и интеллигентами.

С точки зрения тогдашнего интеллигента, представителя весьма обширного сословия советского общества, рабочий, презрительно именуемый "гегемоном" - это неуч, лентяй, халтурщик, рвач и шкурник, в течение семи десятилетий тиранящий несчастного интеллектуала. С позиции советского рабочего любой человек с высшим образованием - ищущий легкой жизни маменькин сынок, никчемность, чье производственное и социальное существование в качестве паразита не пролетарском теле ничем не оправдано. Понятно, почему личных межсословных отношений в нерабочее время в СССР не было.

Сегодня, когда раздражающий официозный пролетарский пафос советской поры ушел в прошлое вместе с мифологией рабочего, стало интересно выяснить происхождение визуального его образа.

Визуальный образ рабочего - западноевропейского происхождения, впрочем, как и само четвертое сословие. Рабочие появляются в карикатурах и картинах Оноре Домье. Рабочий, рабочий-типограф, - мускулистый мужчина с засученными рукавами, подпоясанный трехцветным кушаком - становится символом не только четвертого сословия, но и французского простолюдина вообще.

Большую роль сыграл в формировании зрительного образа рабочего бельгийский живописец и скульптор Константин Менье. Начав с христианских мотивов, художник после знакомства с трудом индустриальных рабочих меняет тематику - главным содержанием его творчества становится индустриальный труд и новый мессия - рабочий. Именно Менье разработал иконографию рабочего в духе сентиментального отношения к фабричному труду эпохи становления европейского социалистического движения. Уже первая его картина на пролетарскую тему, "Плавка" (1880), стала одним из архетипов пролетариата. Молотобоец, работник в фартуке, уставший рабочий - святой современности, спаситель человечества, нищий духом - кому принадлежит Царство Небесное. К началу XX века этот образ, аллегория промышленного труда, знак сословия, стал общепринятым символом визуальной риторики во всех мало-мальски индустриально развитых странах. Индустриальная атрибутика, орудия труда, - молот с наковальной, молот отдельно, стали эмблемами первого рабочего госу-

дарства и коммунистического движения в XX столетии. А получившие широкое распространение мотивы Менье легли в основу рабочей темы в советском искусстве.

С развитием капитализма и рабочего движения в России, особенно после большевистской революции, рабочий - "работник" - , до того не замечаемый интеллигенцией, становится одним из героев русского искусства. Что в определенной степени противоречит национальному мифу, в которой представителем национального, народного всегда выступает крестьянин, реально самого архаического в Европе, "ведического", типа. Правда, с этим "ведическим" крестьянином русский рабочий советской эпохи - изгнанный из деревни в ходе коллективизации крестьянин - имеет больше общего, чем с соседом по дому горожанином-интеллигентом.

Тем не менее, советская визуальная среда, лозунги, плакаты, кинофильмы, телепередачи, была заполнена стереотипными образами рабочего. Ни рабочий на заводе, ни сантехник, налаживающий унитаз в квартире русского интеллигента, не были похожи на свой образ, который оставался социальной абстракцией, иероглифом, идеального рабочего, того, чем русский рабочий так и не стал - сознательным пролетарием, обретшим свободу и власть хозяином своей судьбы.

Поэтические - жалкие и величественные, низкие и возвышенные, образы рабочих до Второй Мировой Войны - распространенная тема в творчестве близких к социализму художников Европы и Америки. В Германии, Бельгии, Венгрии, Мексике, СССР и США - униженные и оскорбленные, они, как тогда казалось, были обречены на триумф в самом ближайшем будущем. Социальное и личное ничтожество, отверженность, обездоленность рабочего как самого отчужденного от родовых человеческих свойств человеческого существа, изнурительная работа, нищета, нечистота, в которых это отчуждение проявляется внешне, сочетаются в образе рабочего с будущим величием мессии подобно тому, как оно в прошлом совмещалось в образе страдающего Христа. Такая двойственность, свойственная уже рабочим Менье (скульптуры "Грузчик", "Пудлинговщик"), в конце концов, привела к тому, что образ рабочего стал напоминать в своей амбивалентности образ ковбоя в американской массовой культуре (пример реклама сигарет "Marlboro") - очень схожие и в левом, и в правом дискурсе: у Кете Кольвиц, Георга Гросса, Франца Мазерееля, Диего Риверы, Давида Альфаро Сикейроса, Ласло Месароша, Гюлы Дерковица, Юрия Пименова, Александра

Дейнеки, на картинах американских левых художников 30-х, у советских социалистических реалистов, в монументальном искусстве мусолиниевской Италии. Даже теоретически образ рабочего, его судьба, в левых и правых идеологиях трактовались даже внешне сходно. Эрнст Юнгер [3], например, писал: "...Стоило бы проследить, каким образом единичный человек выступает, с одной стороны, в героическом плане, как неизвестный солдат, гибнущий на бранных полях работы, и каким образом, с другой стороны, он именно поэтому выступает как господин и распорядитель мира, как тип повелителя, обладающего полнотой власти, которая до сих пор угадывалась лишь смутно. Обе стороны принадлежат гешталту рабочего, и именно это придает им глубочайшее единство там, где они спорят друг с другом в смертельной борьбе".

После Второй Мировой Войны в результате продвижения американского проекта аполитичного модернизма образ рабочего, прекрасные образцы которого дали Фернан Леже и Ренато Гуттузо, вытесняется из западного искусства. Он остается, как идеологически значительный, только в советском искусстве и искусстве социалистических стран Восточной Европы и Азии.

В конце 50-х - начале - 60-е, после смерти Сталина, взбунтовавшееся против социалистического реализма послевоенное поколение советских художников, Виктор Попков, Гелий Коржев, Таир Салахов, братья Смолины, вернуло рабочему изначальную противоречивость его "гешталта". В их картинах рабочий - уже не иероглиф, идеал или мечта, а реальность, пусть и не всегда отвечающая сентиментальному канону сталинской культуры. Однако в 70-е рабочие исчезают из обихода советского искусства в качестве жизненно важной темы: культурная гегемония мещанства распространяется и на искусство.

Есть ли шансы у образа рабочего в XXI столетии, в том числе и в искусстве? Судьба образа зависит от того, будет ли рабочий класс снова признан субъектом истории - революционным классом. Возможно, аннигиляция образа рабочего класса, как сословия-освободителя, - самая успешная операция его старых и новых врагов в борьбе за глобальную культурную гегемонию, мировое экономическое и политическое господство. Только убедительная теория, культурная работа, яркие события, заново доказывающие правильность выводов Маркса, вернут рабочего в историю, а вместе с ним и его образ.

If you lived in what was once the Soviet Union, you might remember the official slogans and images that glorified the working class. You will probably also remember the wide-spread, mutual antipathy between workers and intellectuals which accompanied such glorifications.

To the intellectual of those times, the representative of a broad section of Soviet society, the worker - contemptuously called by the nickname of "hegemon" - was a poorly educated, lazy slob, an embezzler and a crook, who tyrannized the poor intellectual for seventy-some odd years. In contrast, the Soviet worker understood anyone with a higher education as a useless mama's boy, looking for the easy life; his social-productive existence as a parasite on the proletarian body could not be justified in any way. In this sense, one can understand why there was hardly any after-hours contact between workers and intellectuals during the Soviet era. Today, the officious proletarian pathos of the Soviet type has become a part of the past, along with its mythology of the working class. From this perspective, it has become interesting to examine the origins of its visualization.

The image of the worker originates in Western Europe, as, by the way, does the entire "fourth estate". For an instance, the worker appears in the caricatures and paintings of Honoré Daumier. The worker, the worker-typographer, a muscle-bound man with rolled-up sleeves, girdled with a tri-coloured belt, becomes a symbol not only for the "fourth estate", but for the French "common man" in general.

The Belgian painter and sculptor Constantin Meunier also played a decisive role in forming the image of the worker. While his early work is centred around the motif of the peasant, Meunier's acquaintance with industrial labour soon brought him to a new, central theme, namely the industrial working class and its new messiah, the worker. It was Meunier who developed the iconography of the worker, reflecting the sentimental relationship to factory labour that characterized the nascent movement of European socialism in the late 19th century. Even his first painting on a proletarian theme, "Smelting" (1880), was to become one of the archetypes of personified labour. The hammerman, the apron-clad worker, or the tired labourer becomes modernity's saint and humanity's saviour, meek in spirit, destined to inherit the kingdom of God. Toward the beginning of the 20th century, this allegory of industrial labour, signifying a social class, became a universally recognized symbol in the visual rhetoric of all industrialized nations. The attributes of industry or the arms of labour - the hammer and anvil, or simply the hammer - became the emblem of the first Worker's State; they also served as the symbol for the entire 20th century's Communist movement. Circulating broadly, the motifs of Meunier became the basis for the theme of labour in Soviet art.

With the development of capitalism and the worker's movement in Russia, especially after the Bolshevik revolution, the worker – the “working man” – became one of the heroes of Russian art, even if he had previously gone unnoticed by the intelligentsia. To a degree, this actually runs contrary to Russia's national myth, in which “the nation” or “the people” were usually represented by a peasantry that can be identified with Europe's most archaic form of agrarian community, dating back to the age of the Indian Vedas. While the national myth of Russia was now personified through the worker, one might note that, in fact, the working class of the Soviet era – chased from its village in the process of collectivization - had far more in common with the “Vedic” peasant than with the urbanite intellectual.

Nevertheless, the Soviet Union's visual culture of slogans, posters, films, and television shows was full to the brim with images of the worker. Neither the factory worker nor the plumber who repaired the broken toilet in the Russian intellectual's apartment, had much in common with this image. This persona remained as a social abstraction or hieroglyph of an ideal, which the real Russian worker never became, namely a conscious proletarian, gaining freedom and power over his fate. Before the Second World War, the poetic images of the worker – both pitiful and pathos-laden, both low and sublime – spread widely as a theme in the work of artists close to socialism, both in Europe and America. In Germany, Belgium, Hungary, Mexico, the USSR, and the USA, the triumph of the “insulted and injured” seemed at hand, to be realized in the very near future. Insignificance, marginality, and privations, alienation from the innate qualities of human existence, and its external expressions, poverty and uncleanness: the figure of the worker combined all of these qualities with the coming greatness of the messiah, just as they had once been combined in the image of suffering Christ. Already present in Meunier's labourers (in the sculptures “ Stevedore” and “Stirrer”), this duality finally resulted in an ambivalent figure, reminiscent of the cowboy in American culture (e.g. the “Marlboro man”). Interestingly, this figure is relatively stable in both left-wing and right-wing discourses, in the work of Käthe Kollwitz, George Grosz, Frans Masereel, Diego Riviera, David Alfaro Siqueiros, Lazslo Mezaros, Bela Uitz, Gyula Derkovits, Juli Pimenov, Alexander Dejneka, in left-wing American painting of the 1930s, in Soviet Socialist Realism, and in the monumentalism of public art in Mussolini's Italy.

Not only the visual image but the theoretical figure of the worker and its fate is analogous in both left- and right-wing ideologies and was treated in very similar terms. For an instance, in his “*Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt*” (1932), Ernst Jünger (1895-1998) writes: “One might note how, on the one hand, the singular human being acts heroically, as an unknown soldier, falling on the battlefield of labour. Just because of this [heroism], on the other hand, he will appear as a master with the world at his disposal, attaining sovereignty, which was hitherto only imaginable in vague terms. Both aspects are part and parcel of the worker's *Gestalt*, and it is this unity that supplies them with the deepest unity where they struggle with one another in a battle to the death.” Jünger's description of the worker is a compact illustration of left-wing and right-wing socialist conception of the working class. If one compares Jünger's *Gestalt* of the worker with the figure of the revolutionary worker Pavel Korchagin in the Soviet bestseller “How the Steel was Tempered” (1932-1934) by Nikolai Ostrovski (1904-1936), it becomes clear that both images belong to two, if not one, intersecting discourses. Their fundamental difference lies in the Soviet worker's internationalism and the German worker's nationalism.

After World War II, as a result of the American project of apolitical modernism, the figure of the worker - beautiful examples of which were supplied by Fernand Leger and Renato Guttuso - was slowly displaced from Western art, only remaining of ideological significance to Soviet art and to the art of the socialist countries of Eastern Europe and Asia. During the late 1950s and early 1960s, after the death of Stalin, the post-war generation of Soviet artists, such as Victor Popkov, Geli Korzhev, Tair Salakhov, and the Smolny brothers, attempted to reinstate the contradictions of the worker's *Gestalt*. In their paintings, the figure of the worker is already not only a hieroglyph, ideal, or dream, and does not always correspond to the Stalinist cultural canon's sentimental dream. Nevertheless, by the 1970s, the worker was no longer of crucial importance: the cultural hegemony of the *petite bourgeoisie* had now also spread to the arts.

Does the image of the worker stand any chance of returning to the 21st century and its art? The image's fate depends on whether or not the working class will again be recognized as the subject of history, as a revolutionary class. Perhaps one can understand the annihilation of the (liberating) working class's image as the most successful operations undertaken by its old and new enemies in the struggle for cultural hegemony and economic-political dominance. Only credible theories and a great deal of cultural work, as well as significant events, all of which would have to prove the truth of Marx's conclusions, can reinstate the worker and his image to their historical place.

¹ According to the theory of scientific communism, the working class was “the hegemon of the revolution”, a term that was applied sarcastically by the intellectuals of the Soviet era.

Кто такой Тони Негри? | Who is Toni Negri?

текст основан на статье Майкла Хардта
text is based on the article written by Michael Hardt

Аномалия траектории Негри как интеллектуала должна быть прослежена назад в 1960-ые годы – к началу его звездной академической карьеры в Университете Падуи. Он стал профессором в области “Государственной теории” в необычайно молодом возрасте. Его эссе “Труд в Конституции” (1964) явилось результатом интеллектуального развития этого периода. В нем Негри признает основополагающую роль рабочей силы в учреждение либеральных демократических обществ: как в терминах формальной конституции (Итальянская Конституция, например, начинается словами о том, что “Италия – это демократическая республика, основанная на труде”), так и в терминах материального основания общества и социального производства.

С этого момента Негри развивает марксистский критический анализ Государства и Капитала, который в своей основе, является критикой труда. В этом анализе мы можем наиболее четко проследить отход Негри от традиционной коммунистической и социалистической политической линии того периода. Официальные левые признавали и возвеличивали труд как средство освобождения, или даже как непосредственное освобождение. Негри приводил свои контрдоводы за освобождение от труда. Он доказывал, что сама работа – это дисциплинарный режим, который должен быть атакован и разрушен рабочими.

В начале 60-ых Негри присоединился к редакционной группе журнала *Quaderni Rossi*, который сделал возможным интеллектуальное возрождение марксизма в Италии вне рамок коммунистической партии. Философская позиция, занятая журналом, стала известна как *“operaismo”* (workerism). Одним из центральных политических понятий вокеризма стал “отказ от работы”. При этом, эти идеи не имели отношения к отказу от творческой или производительной деятельности, а скорее развивали отказ от работы в рамках установленных капиталистических отношений производства.

В 1970-х работа Негри была по-прежнему сосредоточена на анализе труда. Если ранний Негри и его коллеги сосредоточили свои исследования на рабочем классе, который они понимали как рабочих-мужчин, трудящихся на фабриках, то теперь они раздвигали более широкое понятие пролетариата, к которому относились все те, чей труд был управляем и эксплуатируем по установленным капиталистическим правилам. Эти исследования уже были направлены на анализ всего общества. В это время Негри создал концепцию “social worker” (общественного рабочего), стремящегося обрести новую субъективность и право на восстановление.

Этот интеллектуальный проект подверг сомнению фундаментальные различия, базирующиеся в традиционной марксистской концепции разделения между производительным, непроизводительным и репродуктивным трудом, а также традиционные политические разногласия между оплачиваемыми рабочими, частично-занятыми и безработными. Главным политическим выводом из этой теории должно было стать признание за всеми людьми, включенными в общественное производство, право на восстановление. В итоге эти выводы были закреплены в работе “Маркс Вне Маркса”, которая расширила марксистскую теорию, выведя ее в современность. После роспуска в 1973 “Potere Operaio”, Негри участвовал в работе группы “Организованная Автономия”, которая являлась свободно координируемой сетью местных организаций (подробнее см. газету “Что делать?” номер “Зоны Автономии”). В это время также возникли итальянские террористические группы “Красные Бригады”, которые базировались в гуще того же самого ландшафта социальной борьбы. Важно признать, что в то время в Италии сформировалась широкая поддержка применения насилия в политических целях. После похищения и убийства в 1978 видного политического деятеля Альдо Моро, итальянское правительство пошло на введение ряда чрезвычайных мер. 7 апреля 1979 Негри был арестован наряду с другими активистами “Potere operaio”. Судьи утверждали, что Негри являлся секретным лидером тайного

сообщества террористических организаций. Четырьмя годами позже, когда дело Негри было заслушано в суде, первоначальные утверждения о его руководстве организациями террористов были сняты. Суд вынес обвинение, прежде всего на основе его текстов, что он несет “нравственную” ответственность за действия, спровоцированные его словами.

В 1983, в то время как продолжались слушания по его делу, Негри был избран в парламент как представитель Радикальной Партии и был освобожден из тюрьмы. Однако через несколько месяцев Палата Представителей отменила парламентскую неприкосновенность Негри. Вместо возвращения в тюрьму, Негри решает бежать во Францию, где он получил убежище и оставался в изгнании в течение последующих четырнадцати лет.

В этот третий период интенсивной интеллектуальной деятельности Негри публикует одни из своих наиболее важных философских работ: широко известное исследование о Спинозе, начатое ещё в тюрьме, и работу о концепции “учредительной власти”, в которой анализируется наследие Маккиавелли в связи с развитием революционных движений.

Можно сказать, что центральная идея, реализованная Негри в этот период, заключалась в соединении политического мышления итальянского *operaismo* с новой французской философией авторов круга Мишеля Фуко, Жюлья Делёза и Феликса Гваттари. Негри соединил идеи “отказа от работы” с концепцией Фуко о сопротивлении дисциплинарному обществу и концепцией “линий ускользания” Делёза и Гваттари. В результате возникла новая версия “пост-структурализма”, обладающая ясной политической ангажированностью.

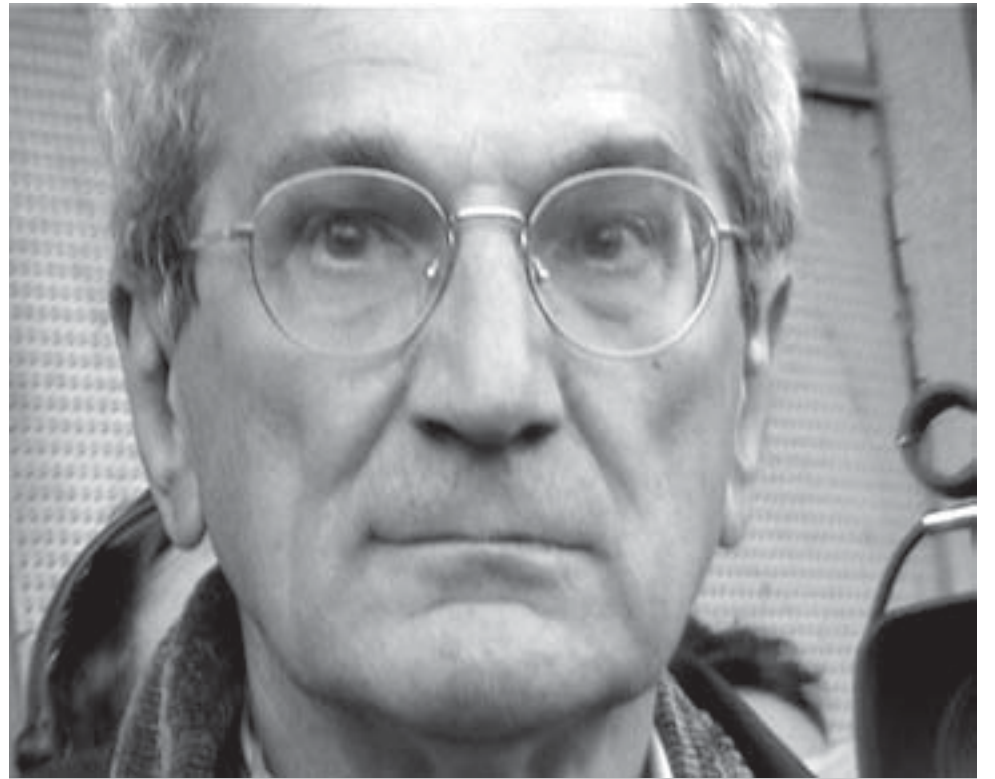
В 1997 году, после четырнадцати лет жизни в Париже, Негри решает вернуться в тюрьму, в Италию. Его главная цель заключалась в том, чтобы вынудить Итальянское правительство найти политическое решение судеб сотен заключенных, которые подобно ему оказались в изгнании или в тюрьме. Другим основанием для возвращения в Италию стало желание Негри вернуться к политической жизни.

Луи Альтюссер однажды сказал: “коммунист никогда не остается один”. Интеллектуальная активность Негри всегда реализуется в рамках коллективной деятельности, взыскую социальной и политической востребованности. Поэтому даже в моменты, когда он идет на личный риск или же подвергается лишениям, Негри никогда не принимает позу аскета.

Весь характер его политической деятельности помогает осознать, что эта активность построена не на лишениях, а на радости – на радостном переживании политической и интеллектуальной вовлеченности. В своем развитии Негри никогда не останавливался в рамках какой-то эпохи, как это произошло с большинством радикалов 60-ых. В каждый момент он стремился обнаружить и использовать революционные возможности настоящего момента. Это и есть модель радикального интеллектуала, которую Негри представляет в наше время.

P.S. (D.V.) С 1996 года Тони Негри и Майкл Хардт работают вместе. В 2000 году они закончили работу над своим наиболее известным трудом “Империя”, который критика назвала “новым коммунистическим манифестом”. В этом труде они разработали марксистскую теорию не только в сфере критики изменившихся условия современного общественного устройства, а как позитивно-практическое руководство к революционному действию. Эта книга оказала решающее влияние на самосознание ширящегося “движения движений” (то что масс-медиа называют анти-глобалистским движением), и стало основной теоретической базой для формирования интернациональной сети анти-корпоративной, радикально демократической глобализации. Теория Тони Негри оказалась чрезвычайно влиятельной, потому что она отвечает самой настоятельной потребности момента – продолжения революции, несмотря на все неудачи прошлого.

В 2003 году Тони Негри был амнистирован.

The anomaly of Negri’s trajectory as intellectual should be traced back to the early 1960s and his stellar academic career at the University of Padua. He was promoted to full professor at an extraordinarily young age in the field of “State theory”. A long essay written in 1964, *“Il lavoro nella costituzione”* (Labor in the Constitution), was at the center of his intellectual development during this period. In it, Negri recognizes the foundational role of labor in the constitution of liberal democratic societies: both in terms of the formal constitution (the Italian Constitution, for example, begins “Italy is a democratic republic founded on labor”) and in terms of the material constitution of society and social production. From this point of departure, Negri develops a Marxist critique of the State and capital that involves centrally a critique of labor itself. This is how we can recognize most clearly Negri’s departure from the traditional communist and socialist political line of the period. The official left celebrated and affirmed labor as the means toward liberation, or even as liberation itself. Rather than a liberation of work, however, Negri argued for a liberation from work. Work itself is a disciplinary regime that must be attacked and destroyed by workers.

In the early 60s Negri joined the editorial group of *Quaderni Rossi*, a journal that represented the intellectual rebirth of Marxism in Italy outside of the realm of the communist party. The philosophical framework developed in the context of the journal came to be known as *“operaismo”* (workerism) and one of its central political concepts was “the refusal of work,” which did not refer to a refusal of creative or productive activity but rather a refusal of work within the established capitalist relations of production.

In the 1970s, Negri’s work continued to focus on labor, but the primary site of analysis shifted outside of the factory walls. Earlier Negri and his colleagues had centered their analyses on the working class (by which they understood male industrial factory workers), but now they developed a broader notion of proletariat that was meant to refer to all those whose labor is commanded and exploited under the rule of capital. They conceived their analyses and practices as moving out of the factory and into society. In these years Negri developed a theory of the “social worker” that tried to grasp the new subjective figure of social production and revolt. In effect, this intellectual project drew into question the conceptual division posed by the traditional Marxist conceptions of productive and unproductive or productive and reproductive labor along with the traditional political divisions between waged workers, unwaged workers, and the unemployed. The primary political consequence of these theories was to recognize all the various figures of social production, the entire proletariat conceived in this broad sense, as capable of revolt. Negri’s theoretical work in this period culminated in *Marx Beyond Marx*, a reinterpretation of Marx’s work that extended it beyond the limits of Marx’s own time and vision.

After *Potere Operaio* dissolved in 1973, Negri participated in *Autonomia Organizzata* (Organized Autonomy), a loosely coordinated network of local organizations throughout Italy. (see “What is to be done?” Nr2 Autonomy Zones) In this period too, and from this same terrain of social struggles, the Italian terrorist groups such as the Red Brigades were formed. It is also important to recognize that there was a broad continuum of the use of violence in this period, both against property and persons. After the kidnapping and murder of Aldo Moro the prominent Christian Democratic politician in 1978, the Italian government enacted a series of emergency measures and redoubled its police efforts against the terrorist and non-terrorist political groups alike. On April 7 1979 Negri was arrested along with numerous others who had participated in *Potere operaio* several years earlier. The prosecuting magistrate claimed that Negri was the secret leader of a vast clandestine constellation of terrorist organizations. When Negri did finally come to trial four years later, the original allegations of his masterminding terrorist organizations had been dropped. The judges prosecuted him instead primarily on the basis of his writings, holding him “morally” and “objectively” responsible for actions on that basis.

In 1983, while his trial was still going on, Negri was elected to parliament as a representative of the Radical Party and was consequently released from prison. After only a few months, however, the Chamber of Deputies voted to rescind Negri’s parliamentary immunity and send him back to prison. At that point, instead of returning to prison, Negri fled by sail boat to France, where he remained in exile for the next fourteen years.

This third period of his intellectual production contain some of his most significant philosophical contributions, from his widely-renowned study of Spinoza written in prison to his recent, massive study of the concept of “constituent power,” which deals centrally with Machiavelli and the revolutionary moments. In one respect one might say that the central project of Negri’s thought through this entire period has been to bring together the political thought of Italian *operaismo* with the new French philosophy of authors such as Michel Foucault, Gilles Deleuze, and Félix Guattari. Thus, for example, *operaismo*’s project of the refusal of work encounters Foucault’s notion of resistance to disciplinary society and Deleuze and Guattari’s conception of lines of flight. As a result of this encounter, of course, all of these concepts come out changed. We are thus given a new version of “post-structuralist” philosophy that is clearly politically engaged.

In 1997 after fourteen years in Paris, Negri decided to leave the Parisian intellectual milieu and return to Italy and prison. His primary objective was to urge the Italian government to find a collective political solution for the hundreds of those like himself who remain in exile or in prison. Negri’s second motive in returning is to rediscover a political life for himself in Italy. Negri did not remain a 60s radical (as if preserved faithfully in ice) nor abandon his political aspirations — rather he changed with the times, always seeking to reinvent the role of the public and political intellectual. In each era Negri has sought to discover the revolutionary possibilities of the present. Louis Althusser once said, “A communist is never alone.” Negri’s intellectual activity is always collective and collaborative, always seeking out social and political engagement. This is why even when he chooses to place himself at extreme personal risk or in a position of poverty he never adopts an ascetic figure. The collective and collaborative nature of the political project always insure that it is a project not of renunciation but of joy — a joyful adventure of political and intellectual engagement. This is the model of the radical intellectual he presents for our time.

P.S. (D.V.) Toni Negri and Michael Hardt have been working together since 1996. In 2000, they finished their most prominent work so far, entitled “Empire”, which has been widely critically acclaimed as “the new Communist Manifesto”. In this book, Negri and Hardt develop a complex Marxian theory, which does not only apply to the criticism of the changed conditions of society’s constellations, but also presents itself as a practical guide to action. This book has exerted a decisive influence on the self-consciousness of the “movement of movements”, soon to become the main theoretical base for the formation of an international network of anti-coporate, radical-democratic globalization. The theoretical work of Toni Negri has proven highly influential because it responds to our time’s most pressing need, the need to continue the struggle against capitalist domination, despite all of the past’s defeats.

Toni Negri was amnestied from his prison sentence in 2003.

Выступление Тони Негри | Рабочий класс или множество? talk by Antonio Negri | Multitude or Working Class?

совместное выступление и дискуссия Тони Негри и Алекса Каллиникоса состоялась в рамках Европейского Социального Форума в Париже, 14.11.2003
the talk and public discussion of Tony Negri and Alex Callinicos happened in a frame of European Social Forum in Paris, 14.11.2003

Мы хотим бороться с капиталом и обновить мир, в этом все мы единодушны. Но, на мой взгляд, это нельзя мыслить как поэтический процесс, поскольку "множество" – это не поэтическое понятие, а классовое. Когда я говорю о множестве как о классовом понятии, я имею в виду, что рабочие сегодня работают и так же, и иначе по сравнению с тем, как они работали несколько столетий назад. Рабочий класс и его классовый состав заметно отличаются в различные периоды, следующие друг за другом начиная с индустриальной эпохи.

Организация труда, безусловно, разительно изменилась с 18-го века до наших дней, равно как политический и технический классовый состав; кроме того, сегодня класс формирует свое классовое сознание совершенно по-другому. Если мы будем использовать понятия рабочего класса и организации труда как однородные и однозначные, мы впадем в глубочайшую ошибку.

Я считаю, что после 68-го года и с началом неолиберальной контрреволюции структура организованного труда и, как следствие, организации, создания классового состава радикальным образом изменились.

Фабрика больше уже не стоит в центре производства ценности. Ценность создается задействованием в работе всего общества целиком. Множеством мы называем всех трудящихся, задействованных в труде для создания прибыли. Мы считаем, что эксплуатируются все трудящиеся всего общества в целом: мужчины, женщины, люди, работающие в сфере обслуживания, в медицинской сфере, сиделки, переводчики, люди, работающие в культурном поле, во всех социальных сферах. И поскольку их труд эксплуатируется, мы считаем их частью множества.

Единичности – это единичности труда; каждый работает по-разному, и единичность – это единичность эксплуатируемого труда.

Все это особенно важно иметь в виду, это необходимо подчеркнуть, потому что труд все больше и больше становится нематериальным. Это не означает, что область материального труда не будет расширяться,

она очевидным образом расширяется – на фабриках, на предприятиях с поточной системой, в бесчисленных местах, где работают дети – все они работают материально. Все это крайне важно. Но что значимо в производственном процессе создания ценностей, так это интеллектуальный труд, труд в коммуникационных сетях, труд изобретателей, труд ученых. Когда Маркс впервые заговорил о промышленном создании стоимости, у него перед глазами было 100-200 фабрик, но он точно определил главную тенденцию, и мы должны следовать этим путем. Нужно только добавить еще одно замечание: индустриальный рабочий класс никогда не производил стоимость, будучи массой, стоимость всегда производилась, потому что каждый рабочий в отдельности вносил свою лепту в ее создание.

Проблема не в том, чтобы добиться классовой коалиции или обратиться к отношениям, объединяющим рабочий класс и движение движений (блоки формировал Сталин, но не мы); проблема в том, чтобы обратиться к единому корню, из которого возникает стоимость – к труду, который остается качественно уникальным в каждом конкретном случае. Именно достоинство труда дает нам возможность предлагать альтернативные пути для жизни и общества.

Возьмем, к примеру, крестьянство. Крестьян всегда рассматривали как находящихся вне рабочего класса. И это всегда была полная чушь, потому что крестьяне всегда работали, и работали тяжело, работали с вещами, работали как единичности. Сегодня мы сталкиваемся лицом к лицу с классом крестьян в странах, которые становятся все более и более нерелевантными для капиталистического развития, и внутри этого класса крестьян мы видим, с одной стороны, в огромной степени организацию индустриального труда, а с другой – особенность крестьянской работы, каковая является единичной, что означает особую связь с природой, делание хорошего сыра, хорошего вина. Это значит обнаружить уникальное качество труда, обнаружить внутри разнообразия, внутри различий общие элементы, которые, конечно же, являются элементами эксплуатации, но с другой

стороны – особой способностью крестьян относиться к земле и преобразовать ее, превращать ее в хороший сыр и вино. Только таким образом можно мыслить отношения с индустриальным рабочим классом (а не с рабочей аристократией), которые не были бы механическими.

С другой стороны, необходимо принять во внимание женский труд. Что это такое? Чем он всегда был в условиях господства патриархата? Он был тайной работой, но работой по созданию отношений. В своей глубочайшей основе. Работой, которая всегда знала, где место носкам¹ в доме. Тайна так называемой домашней работы в том, что она не поддается количественному исчислению. Это качество. Основное качество, сделавшее возможным воспроизведение видов, видов рабочих, видов труда. Каким образом должны мы отнестись к этому качеству, к этой борьбе? Только не как к коалиции: "Присоединяйтесь к женщинам" – отвалите, идите на! И что потом? Да ничего, если нет вот этого глубинного основания: в труде можно обнаружить тонкость и изящество, умение устанавливать связь, создавать отношения. Всякая работа сегодня становится женской (да-да, не спешите впадать здесь в оголтелый феминизм, утверждающий, что между женщиной и мужчиной вообще нет различий!). Любой, кто работал, например, с компьютерами, отлично знает, что значит тонкость и изящество, что значит умение создавать отношения. Производство ценности – это производство избыточных отношений, это лингвистическое производство. Множество, прежде всего, это классовое понятие, но также и политическое. В той мере, в какой оно является классовым понятием, множество кладет конец рабочему классу как упрощенному понятию, как понятию массы. С политической точки зрения понятие множества кладет конец понятию народа, нации и всего того, что порождено государством и репрезентируется им.

¹ Здесь Негри отсылает к книге Кристиана Марацци, 1994.

We all agree to the fact that we want to fight capital and renew the world. But I think this ain't conceivable as a poetical process. Because the name "multitude" is not a poetical notion, but a class concept. When I talk about multitude as a class concept, I talk about the fact that workers today work in the same and in different ways compared to those they worked some centuries ago. The working class and its class composition are quite different in the distinct periods that followed each other since the beginning of the industrial age.

The organisation of labour has indeed damned changed from the 18th century 'til now, as well as the political and technical class composition; and also the way the class builds up its class consciousness is extremely different. If we use the concept of working class and the concept of organisation of labour homogeneously and uniquely we'll be mistaken profoundly.

I think that after '68 and with the beginning of the neo-liberal counterrevolution the structure of organising labour and in consequence the organisation, the *making* of class composition has changed profoundly.

The factory stays no longer in the centre of value production. The value is created by putting to work the whole of society. We call multitude all the workers who are put to work inside society to create profit. We consider all the workers in the whole of society to be exploited, men, women, people who work in services, people who work in nursing, people who work in linguistic relations, people who work in the cultural field, in all of the social relations, and in so far as they are exploited we consider them part of the multitude, inasmuch as they are singularities. We see the multitude as a multiplicity of exploited singularities. The singularities are singularities of labour; anyone is working in different ways, and the singularity is the singularity of exploited labour.

To take notice of all this is of particular importance, we have to underline it because labour is becoming increasingly immaterial. This doesn't mean that the realm of material labour wouldn't expand, as material labour does evidently today, in the factories, in the sweat-shops, in the incredible workplaces where children work, work materially. All this is of extreme importance. But what is significant in the process of value creating productive labour is intellectual labour, networking labour, inventive labour, scientific labour. When Marx began to talk about industrial valorisation, it was in view of 100 or 200 factories, but the grand tendency was the one he claimed, and this path we have to follow. Just to add a second observation: The industrial working class never has produced value being a mass, value has always been produced because any worker added his/her particular contribution to the creation of value.

The problem is not to find a class coalition or to refer to relations connecting the working

class and the movement of movements, the problem is to refer to the unique root of value, the unique quality of labour. It is the dignity of labour that allows us to propose alternative paths for life and society.

When we take for example the peasantry. Peasants have always been considered to be outside the working class, to be something that should become working class. This always has been complete rubbish because the peasants always worked, worked hard, worked on things, worked as singularities. Nowadays we find ourselves facing a peasant class in the countries that are becoming increasingly irrelevant for capitalist development, and inside this peasant class we find on one side to a great extent the organisation of industrial labour, on the other side we find the specificity of peasant labour, which is singular, which means a specific contact with nature, the making of good cheese, of good wine. It means finding this unique quality of labour, finding inside the diversity, inside the difference the common elements, that are, of course, joint elements of exploitation, but on the other side the specificity of the peasant's capacity to relate oneself to the earth and to transform it, transform it into good cheese and good wine. Only in this way we can think of relations with the industrial working class, and not with workers' aristocracy, that wouldn't be mechanical.

On the other side let's consider women's labour. What is it? What has it always been under the domination of the patriarchy? It has been secret work, but a work of relating. Fundamentally. A work that always knew the *place of the socks*** in the house. The secret of so-called domestic labour is that it cannot be quantified. It is quality. A fundamental quality that has allowed the reproduction of the species, of workers' species, of labour. How can we refer to this value, to this struggle? Not as coalition: "Join the women" – get lost, fuck off! But then? Nothing, if there ain't this profound reason: inside labour we can find finesse, a capacity to get in contact, to create relations. Anyone of you who has worked, for instance, with computers knows precisely what finesse, what creating of relations means here. The production of value is production of abundant relations, it is linguistic production.

Multitude is first of all a class concept, then also a political concept. In so far as it is a class concept, multitude puts an end to the concept of working class as a simplistic concept, as a mass concept. From the point of view of politics the concept of multitude puts an end to the concept of people, of nation and of all that build by the state, providing it with a fundament of representation.

** Negri here alludes to the book by Christian Marazzi: *Il posto dei calzini: La svolta linguistica dell'economia e i suoi effetti nella politica*, Bellinzona: Casagrande, 1994. [tr.]

Оксана Тимофеева (О.Т.) Ваша книга "Восстание среднего класса" – это замечательный пример совмещения последовательного социо-экономического анализа современного глобального капитализма с доказательством его нежизнеспособности... Но всё-таки как бы Вы определили главную тему книги?

Борис Кагарлицкий (Б.К.) Вывод в этой книге очень простой: сердцевинной бунта, произошедшего в наши дни, являются не голодающие массы, а средний класс. Я пытаюсь доказать, что на самом деле ни лузеров, ни победителей нет. Система постоянно перетасовывает социальные и профессиональные структуры. Человек, который зарабатывает хорошо, тоже является жертвой эксплуатации, иногда даже в большей мере, чем тот, который зарабатывает плохо.

О.Т. Насколько я понимаю, в вашей книге речь идет о том, что мы являемся свидетелями системного кризиса, когда старые производственные отношения – глобальный капитализм, вступают в противоречие с новыми производительными силами, обязанных своему развитию высоким технологиям.

Б.К. Уверен, что здесь применима именно эта универсальная марксистская парадигма. Каждая эпоха создает собственные высокие технологии. В хайтеке нет ничего принципиально нового. По сравнению с изобретением книгопечатания появление интернета – это мелкое улучшение. Каждый технологический прорыв рождает свои мифы, но у каждого из них есть своя политэкономическая сторона. Когда появляются новые технологии, открываются новые рынки, и норма прибыли стремительно растет. Все те, кто связан с этими технологиями, на какое-то время оказываются в привилегированном положении. Затем начинается тенденция снижения нормы прибыли, и люди осознают себя частью наемного труда. Привилегированные слои населения особо болезненно ощущают несправедливость системы, когда их начинают лишать этих привилегий.

О.Т. То есть, в отличие от традиционного пролетария, им есть что терять.

Б.К. Да, и, объективно, они не смогут этого удержать. Этот острый момент в нашем случае пришелся на конец 90-х годов и очень четко совпал с появлением антиглобалистского движения. На него возникли две основные реакции. Одна – реакция потенциального лузера: человек пытается цепляться за привилегии, которые не может

удержать. Вопреки всему он мучительно пытается продолжать ассоциировать себя с победителями. Через либеральные ценности происходит приобщение к миру богатых, успешных. Другая реакция радикальная. Есть некий социальный опыт, который оставляет возможность только для такого рода реакции. Появляется целое поколение радикализировавшихся людей.

О.Т. В книге "Империя" Тони Негри пишет об империи глобального капитализма, и "множестве", которое ей противостоит. Однако он подчеркивает, что множество не является, в традиционном понимании, классом. Это сосуществование сингулярностей, которые с разных сторон противостоят системе. Как вы относитесь к этой теории?

Б.К. Очень критически. У Негри присутствует представление о тотальной новизне этой эпохи, о сетевой, нигде и везде находящейся империи, и нигде и везде происходящем сопротивлении. Но, во-первых, любое материальное действие имеет свой локус, свои точки концентрации. Лучшим ответом на книгу Тони Негри была война в Ираке – классическая колониальная война. Это совершенно другая империя. Очень конкретная, географически локализованная, которая держится на организованном насилии. Насилие не может быть сетевым. Сетевыми могут быть манипуляция и контроль, но всегда существует некая иерархическая структура и локализованная точка, откуда направляются манипулятивные действия. То же самое касается "множества". Они социальны конкретны.

Я выделил три группы, которые являются очагами сопротивления: индустриальный пролетариат, средний класс и маргиналы. Их неоднородность приводит к эффекту множеств. Но и рабочий класс изначально не был однородным. Он вырабатывал культуру однородности как защитную реакцию в условиях фабрики. Чтобы эти множества осознали себя классом с общим интересом, требуется некоторое время и общая деятельность. Мы идем как раз от множеств, не к однородности, не к единству, а к некоторому социальному синтезу.

О.Т. Вы говорите, что критерием принадлежности к среднему классу является, в отличие от пролетария, не индустриальное производство, а, прежде всего, доступ к предметам потребления и определенный уровень потребления. Стало быть, его историческая перспектива в том, что он начинает осознавать себя не как потребитель, а как наемный рабочий?

Б.К. При всей условности своего места в иерархии производства и разделения труда средний класс обладает некоторой степенью самосознания, и это самосознание в значительной мере связано с потреблением, а не с производством. Но потребление вторично, и, понимая это, он переориентируется с самосознания через потребление на самосознание через отношения труда и капитала.

О.Т. Какое место занимают в этой системе люди, занимающиеся интеллектуальным трудом? Вы отмечаете, что они переживают наиболее полное отчуждение, так как их деятельность не подразумевает разделения досуга и

рабочего времени.

Б.К. Это крайний случай эксплуатации – эксплуатация не рабочей силы, а личности. У меня нет разделения свободного и рабочего времени – голова не выключается. Рабочий мог выключить станок и вместе с ним выключить себя из производственного процесса: ему принадлежали оставшиеся 8 часов сна и 8 часов свободного времени. Разделив свою жизнь на три разных сферы, за то время, когда он был предоставлен самому себе, человек мог отчасти снять эффекты производственного воздействия на личность, компенсировать отчуждение. Именно поэтому восьмичасовой рабочий день был так важен – не только социально, но, если можно так выразиться, экзистенциально. А интеллектуал, если он попал в мясорубку капитализма, уже не может иметь этой привилегии. По такой же схеме происходит эксплуатация менеджеров. Однако процесс размывания понятия досуга и работы происходит в двух направлениях. Досуг начинает обратную экспансию наподобие партизанской войны. Классический пример – это проникновение "игрушек" на рабочие компьютеры.

О.Т. Помимо этой партизанской войны на рабочем месте, каково, на ваш взгляд, пространство освобожденного творческого труда?

Б.К. Когда Маркс говорил о преодолении отчуждения, речь шла об очень конкретных вещах – чтобы люди взяли сферу производства, контроля и управления в собственные руки. О том, чтобы заменить внешний, иерархический контроль сверху, коллективным самоконтролем, демократическим процессом, в котором люди сами ставят себе задачи. В этом суть социализма. Это невозможно сделать без того, чтобы сломать силу капитала. Сетевые технологии сами по себе не в состоянии изменить отношения собственности. Они могут поставить под вопрос само понятие отчуждаемой и неотчуждаемой собственности, когда, например, борьба с пиратством теряет всякий смысл. Сетевые технологии приводят к размыванию базовых понятий, на которых построен капитализм и все буржуазное право, но сами по себе они не позволяют это буржуазное право преодолеть.

О.Т. Они просто делают кризис очевидным?

Б.К. Да, и, более того, они делают очевидной возможность других отношений и других понятий не столько о собственности, сколько о жизни без собственности. Но пока не произошли радикальные изменения в обществе, в целом, все очаги нового останутся очагами, где мы можем находить себе определенное убежище интеллектуальное и эмоциональное, но попадаем в гетто, где нас, в конечном счете, и достанет капитал. Если мы не будем производить собственную экспансию, они скажут: "Тогда мы идем к вам", – и придут к нам, со своими стиральными порошками или без.

Oksana Timopheeva (O.T.) Your book "The Uprising of the Middle Class" is a great example how a thorough socio-economic analysis of contemporary globalized capitalism can be combined with the proof of its poor chances for survival...

Boris Kagarlitsky (B.K.) The conclusions drawn in this book are very simple: the core of resistance in our time is not to be found in the hungry masses, but in the middle class. I attempt to show that there are, in fact, neither losers nor winners. The system constantly reconfigures its social and professional structures. A person who makes a lot of money is also a victim of exploitation, sometimes even more so than somebody who is poorly paid.

O.T. As far as I understand, your book talks about the fact that we are witnessing a systemic crisis. The old industrial relationships of global capitalism come into conflict with the new forces of production, developing through the advent of high technology.

B.K. I am sure that in this case, one can apply the universal Marxian paradigm. Each epoch creates its own high technologies. There's nothing new about hi-tech. In comparison to the invention of the bookprinting, the internet is nothing more than a tiny improvement. Each technological breakthrough engenders its own myths, but also has its own political-economical side. As new technologies arise, new markets open up and the profit norm grows vigorously. Anybody who is in contact with these technologies will, at some point, find him-herself in a profitable position. Then, however, the profit norm will tend to fall back, which is when people realize that they are actually simply a part of a hired work force. Privileged populations are especially sensitive to the system's injustice, once one tries to take their privileges away.

O.T. In contrast to the traditional proletariat, they have something to lose.

B.K. Yes, and objectively, this privilege is something that they can't hold on to. This painful moment came toward the end of the 1990s and clearly corresponded to the appearance of the anti-globalist movement. There are two main reactions to this. The first reaction is the reaction of the potential loser: you desperately cling to privileges that you can't really hold on to. Ignoring reality, you torture yourself in trying to associate with the winners. Through liberal values, you adjoin yourself to the world of wealth and success. The other reaction is radical. There is a certain social experience in which any other reaction is impossible. An entire generation of radicalized people is on the rise.

O.T. In "Empire", Toni Negri writes of the "empire" of global capitalism and of its opposition, the "multitude". However, he emphasizes that the multitude is not a social class in the conventional sense. Instead, it is a mass of coexisting singularities that can resist the system from a number of angles. How do you see this theory?

B.K. Very critically. In Negri's work, there is the idea of our epoch's total novelty, the network empire that is nowhere and everywhere, whose opposition is also nowhere and everywhere. But first of all, every material activity has its own locus, its own point of concentration. The best answer to Toni Negri was the war in Iraq, which was a classical colonial conflict. What we actually see is a completely different empire, an empire with a very concrete geographical location, which is upheld by organized violence. Violence cannot take the form of a network, as can, for an instance, manipulation and control. But even manipulative activity starts from a certain point with a hierarchical locality. The same thing can be applied to the multitudes, which are concrete social phenomena. I distinguish between three groups, three hotbeds of dissent: the proletariat, the middle class, and the outsiders. These three groups are very different from another, and it is this difference that provides the effect of the multitude. Then again, the working class itself was also not of one, unified origin. It only developed a culture of unity (of common roots) as a defensive reaction against the conditions of the factory. It takes quite a bit of time and common activity until a multitude develops the

consciousness of a class with a common interest. The vector that begins at the multitude does not lead to a common origin, nor does it aim at unity. Instead, it brings about a certain kind of social synthesis.

O.T. You say that the criterion of belonging to the middle class is not industrial production, as it would be for the proletariat, but access to consumer goods and a certain level of consumption. Does its historical perspective lie in its self-recognition as a hired work-force, as opposed to the consumer?

B.K. Despite the arbitrary nature of its position in the hierarchy of production and the division of labour, the middle class has a certain degree of self-consciousness, but this self-consciousness is largely related to consumption, not to production. But consumption is secondary, and in recognizing this, the middle class reorients itself, discarding consumerist consciousness in favour of self-consciousness within the framework of labour relations and capital.

O.T. Within this system, where would you locate people who work in "intellectual labour"? You note that they experience alienation to the fullest degree, since their work does not provide for any clear boundary between working hours and free time.

B.K. The most extreme kind of exploitation takes advantage of the personality, rather than simply of working force. I personally do not make any difference between free time and working hours, because I can't simply turn off my mind. The industrial worker was able to leave the production process by shutting himself off; the remaining 8 hours of free time and 8 hours of sleep were his and his alone. By dividing his life into three distinct spheres, by keeping time in which he was left to himself, the worker was able to counteract the effect of industry on the personality, at least partially. Whereas the intellectual cannot hold on to this privilege, once he has been swallowed up by the capitalist meat-grinder. Managers are exploited in the same way. However, the dissolution of the boundary between free time and work is a double-edged sword. Free time begins to expand back into working hours, using guerrilla tactics. The classical example for this is the expansion of computer gaming in the workplace.

O.T. Putting this kind of partisan warfare in the workplace aside, where do you see a space for liberated creative labour?

B.K. When Marx spoke of overcoming alienation, he meant something very concrete, namely that people should take the sphere of production, command and control into their own hands, replacing external, hierarchical controls with a collective, self-regulating, democratic process, in which people set their own goals. This is the essence of socialism. It is impossible to achieve this goal without breaking capitalism's stranglehold. By themselves, network technologies are not capable of changing property relations. However, they can call the terms of alienated and non-alienated property into fundamental question, when, for an example, the battle against piracy loses its significance. Network technologies lead to a dissolution of the basic categories upon which capitalism and all bourgeois order is built, but they do not allow us to get beyond this order.

O.T. They simply make the crisis obvious?

B.K. Yes, and what's more, they make it obvious that it is possible to conceive of other relationships and other categories. This does not concern property as much as it concerns a life without property. Without a radical change in society, all hotbeds of the new remain as nothing more than hotbeds. While we may be able to formulate certain intellectual and emotional convictions, we will still be locked into a ghetto, where, in the end, capital can reach us. If we don't begin expanding by ourselves, they will always say "Then we will come to you" (as in the Russian commercial of the "Tide" detergent), and they will come, with or without their detergents and their fabric softeners.

Стюарт Хоум Художественная забастовка | 1990-1993 | ART STRIKE initiated by Stewart Home

по материалам сайта "The Seven by Nine Squares"

text is compiled on materials published at webpage "The Seven by Nine Squares"

"Провокационная двусмысленность Художественной Забастовки спровоцировала замешательство и тем самым поставила целый ряд проблем, сосредоточенных вокруг вопросов стратегии освобождения и отношений между культурой и политикой".

Сади Планта, Самый Радикальный Жест, (Routledge, Лондон - Нью-Йорк, 1992)

"Художественная Забастовка доказывает, что часто ничего неделание оказывается более продуктивным, чем отчаянные поиски известности и благосостояния".

Стюарт Хоум, 1993

Идея

Мы призываем всех художников отложить свои инструменты и прекратить делать, представлять, продавать, показывать или обсуждать свою работу с 1 января 1990 до 1 января 1993. Мы призываем все галереи, музеи, агентства, альтернативные места, периодические издания, театры, художественные школы и т.д., прекратить свою работу в течение того же периода времени.

Производство искусства мистифицировано и съедено рынком, а деятели искусства оказались манипулируемы и маргинализированы из-за самоидентификации с термином "художник" и всем тем, что подразумевает это понятие.

Назвать кого-либо художником значит отрицать за другим возможность равного дара видения; таким образом миф о "гении" становится идеологическим оправданием неравенства и подавления. То, что художник считает своей идентичностью - это всего лишь набор школьных приемов: предвзятых мнений, которые исторически поработают человека. Мы намереваемся непосредственно подвергнуть сомнению роль художника и его положение в системе власти, сложившееся в рамках нашей культуры.

Мы называем нашу акцию "Художественной Забастовкой", потому что, подобно любой всеобщей забастовке, настоящие причины, которые необходимо обсуждать - это экономика и самоопределение. Мы говорим Художественная Забастовка, чтобы сделать явным свои политические и этические побуждения и не влипнуть в возможную эстетизацию предметов и отношений. Мы говорим Художественная Забастовка, чтобы обозначить и поддержать активную вовлеченность, а не пассивные обязательства, по отношению к самым неотложными проблемами.

Заявление: Возьмите это из вашей системы

Каковы приоритеты тех, кто призывает к Художественной Забастовке? Возможно ли создать из искусства метод, открывающий диалог о частной продуктивности, товарной динамике и культурной идентичности? Художественная Забастовка терпит неудачу по многим причинам, не последней из которых является то, что она является плохой идеей. Но, в тоже время, Художественная Забастовка поднимает множество вопросов, которые необходимо ставить. Является ли ситуация производства искусства, людьми, которые идентифицируют себя как художники, самим по себе достаточным ответом на проблематику культуры? Правомерно ли мнение, что идентичность "художника" так или иначе освобождает его от ответственности за состояние культуры? Какие у нас есть возможности для реальной вовлеченности?

Эти вопросы ставятся, прежде всего, не как критика концепции "искусства для искусства", а как критический анализ ситуации, в которой художники претендуют на существование как независимый социальный класс.

Комментарии к истории художественных забастовок

Самое раннее использование термина "Художественная Забастовка" имело место в эссе Алэна Джоуффроя "Что нам делать с искусством?" (опубликовано в "Искусство и Конфронтация", Нью-Йорк 1968): "...отмена искусства может действительно произойти в реальном времени и пространстве пред-революционной ситуации, подобно тому, как это произошло в мае 1968. Важно, что меньшинство настаивает на необходимости выхода на активную художественную стачку, используя механизмы индустрии культуры для того, чтобы возникла возможность их эффективного использования в разрез со своими изначальными целями. Задача состоит не в том, чтобы покончить с законами производства, но в том, чтобы заменить наиболее продуктивную часть "артистического" производства на производство революционных идей, форм и методов".

Проблема этого призыва в том, что он предлагает авангардистским художникам просто обменять одну привилегированную роль на другую вместо того, чтобы покончить с самими законами производства. В этом случае, вместо обеспечения развлечений для привилегированной аудитории, художники должны обрести себя как авангард, обеспечивающий идеи, формы и методы для развития масс. Такая роль может быть привлекательна для художника, но это ничего не меняет в ситуации репрессивного доминирования так называемой творческой элиты по отношению к остальной части общества.

В социалистической Восточной Европе, где культурная работа более узурпирована профессиональными союзами, были осуществлены успешные забастовки художников. Во время военного положения в Польше в 1980 году, художники отказались показывать свои работы в государственных галереях, оставив тем самым правящий класс без официальной культуры.

Затем идея "Художественной Забастовки" на Западе была выдвинута Густавом Метцгером. В своем письме, опубликованном в каталоге выставки "Искусство в Общество/Общество в Искусство" (ICA, Лондон 1974) он призывал художников поддержать трехлетнюю Художественную Забастовку, которая должна была

"Carrying a provocative ambiguity which incited confusion, the Art Strike reintroduced a whole range of issues centred around questions of strategy, recuperation, and the relation between culture and politics."

Sadie Plant "The Most Radical Gesture", (Routledge, London and New York, 1992)

"The Art Strike proves that doing nothing is often more productive than desperately seeking fame and fortune".

Stewart Home, 1993

Idea

We call for all artists to put down their tools and cease to make, distribute, sell, exhibit or discuss their work from January 1, 1990 to January 1, 1993. We call for all galleries, museums, agencies, alternative spaces, periodicals, theaters, art schools etc., to cease all operations for the same period.

The Art production has been mystified and co-opted; its practitioners have become manipulable and marginalized through self-identification with the term "artist" and all it implies.

To call one person an artist is to deny another an equal gift of vision; thus the myth of the "genius" becomes an ideological justification for inequality and repression. What an artist considers to be his or her identity is a schooled set of attitudes; preconceptions which imprison humanity in history. It is the roles derived from these identities, as much as the art products mined from this reification, which we must reject.

We call this Art Strike because, like any general strike, the real reasons being discussed are ones of economics and self-determination. We call this Art Strike in order to make explicit the political and ethical motivations for this attempted large-scale manipulation of alleged "esthetic" objects and relationships. We call this Art Strike to connote and encourage active rather than passive engagement with the issues at hand.

Claim: Get it out of your system

What are the priorities of the people who are calling for Art Strike? Does Art Strike, as a method for prompting dialogue concerning issues of personal productivity, commodity dynamics and cultural identity?

Art Strike will fail for many reasons, not the least of which is that it's a bad idea. But Art Strike raises a number of questions worth asking. Is there an attitude inherent in self-identification as an "artist" which implies that art-making is in itself a sufficient response to cultural issues? Is there an implication that the "artist" identity somehow absolves one from responsibility for cultural conditions? What are the possibilities for real engagement? This is not meant primarily as a critique of "art for art's sake" but rather as a critique of the perception that a class of artists exists as an independent social class.

The Precedents

The earliest use of the term Art Strike is in Alain Jouffroy's essay "What's to be done about art?" (included in "Art and Confrontation," New York Graphic Society 1968): "...the abolition of art can really occur in the actual time and space of a pre-revolutionary situation like that of May 1968. It is essential that the minority advocate the necessity of going on an active art strike using the machines of the culture industry so that we can more effectively set it in total contradiction to itself. The intention is not to end the rule of production, but to change the most adventurous part of 'artistic' production into the production of revolutionary ideas, forms and techniques."

The problem with this proposal is that without ending the rule of production, avant-garde artists would simply swap one privileged role for another. Instead of providing entertainment for a privileged audience, artists are to form themselves into a vanguard providing ideas, forms and techniques for the masses. While such a role may be attractive to artist, it does nothing to alter the oppressive domination of a so-called creative elite over the rest of society.

The next proposal for an Art Strike came from Gustav Metzger. Writing in the catalogue accompanying the exhibition "Art Into Society/Society Into Art" (ICA, London 1974) he called upon artists to support a three-year Art Strike which would run between 1977 and 1980. The idea was to attack the way in which the art world was organized rather than to question the status of art. However, Metzger was unable to rally support for his plan, presumably because most artists lack any sense of the mutual self-interest which would enable them to act in solidarity with others.

In Eastern Europe, where cultural work is totally professionalized, there have been successful strike actions by artists. During martial law in Poland artists refused to exhibit work in state galleries, leaving the ruling class without an official culture.

The 1990 Art Strike was called as a means of encouraging critical debate around the concept of art. However the numbers involved will be so small that the strike is unlikely to force the closure of any galleries or other art institutions. It will, however, demonstrate that the socially imposed hierarchy of the arts can be aggressively challenged.

продлиться между 1977 и 1980. Идея состояла в том, чтобы атаковать, прежде всего, способ управления художественной системой, и тем самым подвергнуть сомнению сам статус искусства. Однако, Метцгер оказался неспособен сплотить художников для поддержки своего плана, потому что у большинства художников нет желания сплотиться в солидарном деле с другими, даже для защиты собственных интересов.

В 1990 году Художественная Забастовка, инициированная Стюартом Хоумом, стала средством для стимулирования критических дебатов вокруг концепции искусства. Однако количество вовлеченных было настолько ограничено, что забастовка не смогла привести к закрытию галерей или других художественных учреждений. Тем не менее, она продемонстрировала, что социально установленная иерархия искусства может быть агрессивно атакована.

Диалог №2 | Где ваши классы? | коллектив сайта ANTIJOB.NM.RU и Алексей Пензин

Dialogue №2 | So where the hell are your classes? | collective of the web site ANTIJOB.NM.RU and Alexey Penzin

Проблема классов в современном обществе - наиболее частый и распространенный упрек левым. "Где ваши классы? Покажите нам тот угнетенный и при этом наделенный особым историческим потенциалом класс, который сможет стать революционным субъектом!" Часть левых аргументированно возражает, что рабочий класс передислоцировался в процессе установления международного разделения труда. Или же они говорят об очевидностях сегодняшнего постиндустриализма: об эффекте определенного (медийного, идеологического) вытеснения темы производства, а с ним и фигуры рабочего, из общества, центрального на потреблении. При этом оппоненты левых почему-то не задают вопросов о том, где же современный господствующий класс. Ибо присутствие этого класса более чем очевидно – современная сверхкрупная буржуазия давно утратила скромность, и явление Капитала в СМИ сейчас обставляется с пышностью религиозной церемонии. Если сверхкрупный капитал так открыто маркирует себя, противопоставляясь, по сути, всему обществу, то именно оно во всей своей тотальности становится угнетенным классом. В этом обществе, отделенном от сверхбогатства настоящей пропастью, все, в известном смысле, являются пролетариями. Усредненное, неравномерно распределенное, анестезирующее "благополучие" лишь скрывает новые классовые дистанции, которые мы более не способны представить в наглядной форме.

Алексей Пензин (А.П.): С чего начался ваш проект, с какими идеологическими ориентациями он связан?

антиджоб 1: Сайт antijob.nm.ru - один из проектов Автономного действия, представленного журналом Автоном (в сети - avtonom.org). Наша идеология скорее анархистская. Когда создавалось Автономное действие, мы не хотели употреблять термин анархизм, посчитав, что сейчас слово "анархия" слишком перегружено негативными смыслами. Идея антиджоба довольно старая, существует где-то с 2000-го года. Мы публикуем своего рода компромат - список фирм, которые ущемляют права наемных работников. Человек пришел в фирму, его там как-то кинули, он это описал. Помимо этого материала, на сайте есть много теоретических текстов - критика капиталистической системы наемного труда, потребительства, общества спектакля и т.д.

А.П.: Можно сказать, что вы реагируете на какой-то новый срез постсоветской действительности, в которой сформировался слой мелких, средних и крупных капиталистов со всем аппаратом, его обслуживающим, все эти фирмы, корпорации, конторы, где отношения сотрудника с работодателем находятся вне зоны действия традиционных для прежних трудовых отношений правил.

антиджоб 1: В самом деле, мы больше ориентируемся не на мониторинг событий на заводах, а именно на офисных работников. Мы хотим выходить на людей, которых интересуют конкретные проблемы, предлагать им варианты борьбы в их частных ситуациях, а дальше предлагать им свое видение положения вещей в целом. Важно формировать классовое сознание этой среды, в которой сейчас отсутствует понимание того, что все места под солнцем уже жестко поделены, и, чтобы чего-то добиться, надо приложить какие-то коллективные усилия. Нужно подсказать им направления общественной борьбы, основанной на осознании того, что есть наши интересы, и есть интересы боссов.

антиджоб 2: Понятно, что сейчас гораздо более сложный и умный капитализм, чем в 19-ом или в начале 20-ого века. Все эти старые расклады - буржуазия, пролетариат, конечно, остались, только они стали гораздо более замаскированными. Перед нами сейчас стоит сложная задача выработать новую теорию, которая бы позволяла опознавать, что сейчас есть пролетариат, а что есть буржуазия.

А.П.: Давайте попробуем начать с этим разбираться. Если принимать предпосылки теории постиндустриального капитализма - то теперь мы имеем такую социальную формацию, в которой важное место занимает нематериальное производство - сектор разнообразных сервисов, масс-медиа и информационные технологии, и очень развит спектр потребительских ритуалов. Соответственно распределяется и рабочая сила. Если брать предпосылки этой простейшей модели, ставшей банальностью на Западе, то какой анализ можно предпринять в постсоветской России? Мне кажется, что здесь мы имеем некую отклоняющуюся и негативную форму этой эволюции. За 10 лет большинство советской индустрии было демонтировано, в какой-то момент заводы просто встали, рабочие превратились в самый проблемный сегмент этого общества. Формирующийся класс крупных собственников просто получал капитал с крушения индустрии, спекулятивно используя полученные за бесценок ресурсы. Соответственно, возникло некое хрупкое подобие "среднего класса" как обслуживающего инфраструктуру крупного капитала.

антиджоб 2: Ты употребил формулу "средний класс". Это один из краеугольных камней современной либеральной идеологии, и не более того.

А.П.: Согласен. Но как определить этот угнетенный субъект, современный класс наемного труда? Он один, или это несколько разных фракций с разными интересами и сознанием? Насколько само понятие "наемный работник" может быть одинаково применимо и к рабочим, и к офисным служащим, не слишком ли оно общо, под одной шапкой скрывая совершенно разные вещи?

антиджоб 1: Вопрос действительно запутанный, в нем очень много пропагандистских вещей. В современных текстах анархистских и леворадикальных теоретиков термин рабочий класс обозначает всех наемных работников. Под рабочим мы понимаем любого работника, пусть он работает на заводе, в офисе или еще где-то. Т.е. очень важно, кем он сам себя ощущает - рабочим, или кем-то другим.

А.П.: Хорошо, сравни офисного работника в Москве, и рабочего на каком-нибудь не очень преуспевающем заводе, который получает на несколько порядков меньше, не играет в потребительские игры, ведет совершенно другой образ жизни. Что между ними общего?

антиджоб 2: А все то же самое. У него те же проблемы, что и у парня, который горбатится на заводе: беспредел работодателей, отношение к нему как к абсолютно бесправному животному. От того, чем мы занимаемся, и сколько мы получаем, принцип не меняется - и он, и я наемный работник.

А.П.: Хорошо. Если мы говорим, что существует классовое сознание, которое вы хотите привить, как можно сформировать общую идеологическую структуру, с которой вы оба офисный работник и рабочий с завода были бы солидарны?

антиджоб 3: Мы, например, - и он, и я, - можем просто прекратить делать свою работу.

антиджоб 2: Мы можем одинаковым образом оказывать давление на работодателя, с тем лишь отличием, что офисным работникам одновременно и проще, и сложнее самоорганизоваться. Проще потому что нас в подчинении у работодателя, скажем, пятеро, а на заводе сто человек. А сложнее - потому что нашей прослойке больше промывали мозги, нам прививали индивидуализм и прочее. На заводе ребята, выросшие в рабочей среде, не дадут так просто уволить зачинщиков забастовки, а в офисе, с его корпоративной моралью "Каждый сам за себя" - это происходит легко.

А.П.: Офисным работникам как бы говорят, что за эти большие деньги - по сравнению с другими зонами наемного труда - ты должен быть просто счастлив, что тебя здесь еще держат... Поэтому никаких правил, только деньги как универсальный медиатор. Капитализм в чистом или диком виде. Но при этом

хотят ли офисные люди освобождения, или же просто хотят правил, как на Западе, регулирующих продажу их высококвалифицированного труда?

антиджоб 1: Сейчас вряд ли хотят чего-то другого. Но никто не знает, что будет через 5-10 лет.

антиджоб 2: Работодатели сами роют себе могилу. Тот, кто сидит в офисе на меньших деньгах, - а офисный класс постоянно сравнивает свои зарплаты, очень чувствителен к их самым небольшим различиям - тот просто в какой-то момент взорвется, это неизбежно. От этого постоянное напряжение. Он сидит в ожидании, но пока еще не дает в глаз своему боссу.

А.П.: Не происходит ли это все в соответствии с классической марксистской трактовкой мелкой буржуазии? С одной стороны, у этой прослойки обнаруживается сходство с рабочим классом, с другой - у нее пока не складывается отчетливая сопротивленческая идеология, и их устремления скорее конформистского плана. Т.е. они не являются самостоятельным классом, а расчетливо присоединяются к той силе, которая в данный момент доминирует. Сейчас доминирует новорусская буржуазия, поэтому они напряжены, но не дают в глаз. Завтра будет подъем рабочего движения, и они будут давать в глаз.

антиджоб 2: Работники офисов это часть рабочего класса. Именно на ней, как на элите этого класса, сфокусирована массивная неолиберальная пропаганда.

антиджоб 3: Это рабочая аристократия, которая действительно боится что-то потерять. В России есть еще одно важное отличие - у заводских рабочих крайне низкая мобильность, они почти всю жизнь работают в одном месте. Если такого рабочего выгоняют, он сталкивается с огромной массой проблем. Если выгонят офисного работника, он пойдет и наймется в другую корпорацию. Еще и отсюда их социальная пассивность.

антиджоб 2: Повторю, опять же, в соответствии с Марксом, офисные работники не являются собственниками средств производства, что позволяет определить их как рабочих. Пролетарий - это рабочий, который осознал, что ему нечего терять, кроме своих цепей. Пролетарием может быть и офисный работник, осознавший свое положение. Классовая борьба принимает разные формы - юридические иски, саботаж, или даже нечто уголовно наказуемое. Все это встречается и в офисной среде, и среди классических заводских рабочих.

А.П.: А были ли уже прецеденты удачной самоорганизации офисных работников?

антиджоб 1: У нас был человек, который организовал нечто вроде профсоюза в российском филиале компании Марс. Он стал делать какие-то анонимные листовки и т.д. В корпорации началась паранойя, все подозревали друг друга. В итоге он все же уволился. Или же был анонимный сайт работников Макдональдса, разоблачающий их методы работы с персоналом, они имел большой резонанс в прессе. Правда, это мало что изменило. Очевидно, надо искать какие-то новые способы борьбы для этих зон наемного труда.

А.П.: Интересно, что разнообразию современного наемного труда может соответствовать такое же разнообразие современных левых теорий. Можно, например, предположить, что анархизм и автономизм, как обращенные к более индивидуализованным типам сопротивления, как раз подходят для офисной среды, в которой индивидуализм более развит.

антиджоб 2: Нет, все же автономизм более развитая степень теории. Мутирует само эксплуататорское государство. Любая иерархическая организация типа партии более уязвима например, для спецслужб. По настоящему жизнеспособной являются матричные организации - масса ячеек, которые блокируются для достижения одной задачи.

А.П.: Подведем итоги. Учитывая размытость всех этих переходных вариантов и концептуализаций, но и общность некоторых базовых условий, прежде всего факта продажи своего труда, вопрос формулируется так: можем ли мы сформировать основания солидарности этих расколотых фракций наемного труда.

антиджоб 2: Вот именно, расколотых. Расколотых извне, пропагандистски. На самом деле это однородная среда. Нужно вернуть ей это сознание.

антиджоб 3: Все сейчас очень связано: офисный работник-программист в Москве не может делать софт без тех болванок, который делает рабочий на своем далеком заводе. Их продукция завязана одна на другую, и это уже довольно сильное условие для объединения. Точно так же могут быть объединены и способы борьбы. Как рабочий может делать левые болванки, так и программист может делать софт с трудно находимой ошибкой, что тем, кто наверху, одинаково плевать на всех наемных работников. Их выжимают их как лимон. Это объединяет и Васю с завода, и какого-нибудь Диму с конторы.

антиджоб 1: Наша цель - пропагандистская работа, а также работа с конкретными трудовыми конфликтами, независимо от числа их фигурантов, два человека или сотня.

А.П.: Не значит ли это, что ваша цель - нормализация трудовых отношений в рамках существующей системы?

антиджоб 1: Конечно, нет. В анархо-коммунистической теории есть термин "революционная гимнастика". Сейчас нет объективных условий, чтобы через три месяца сделать социальную революцию. Но революции никогда не получится, если у людей нет опыта социальной борьбы. И эти конфликты мы рассматриваем как подготовку людей к более активным действиям.

The problem of class in contemporary society is one of the most common and wide-spread rebukes hurled at the Left. "Where are your classes? Show us the oppressed class, the class with that special historical potential, the class that might become a revolutionary subject!" Some of the Left's representative will answer argumentatively, that the working class was re-dislocated in the process of the international division of labour. Others still might also say that post-industrialism has, in a certain (medial, ideological) way, displaced the theme of production, and with it, the worker, from its society of consumers. For some reason, the opponents of the Left never ask question as to the ruling class of today. Maybe this is because the answers are more than obvious: today's heavy-weight bourgeoisie has long since lost any semblance of humility, as their appearance in the mass-media takes on the splendour of a religious ceremony. If big business marks itself so openly, opposing itself to the rest of society, its totality cannot help but produce an oppressed class. In this society, everyone belongs to the proletariat, which is separated from the upper classes by an ever-widening gulf that seems impossible to breach. Distributed unevenly, the normalizing anaesthesia of "prosperity" only serves to hide a growing class distance, which we are not capable of imagining in any clear form.

A.P.: How did your project begin? What was its ideological orientation?

antijob1: The site antijob.nm.ru is one of the projects of the group Autonomous Action, represented by the journal "Avtonom" (on the web: www.avtonom.ru). Our ideology is more or less anarchist. When we founded Autonomous Action, we didn't want to use the term "anarchism", because we felt that the word "anarchy" was term with too many negative connotations. The idea of antijob has been around since the year 2000. We publish compromising material, which exposes companies that injure the rights of their employees. Let's say, somebody was hired by some company, which then let him down. So now the person describes his-her experience and publishes it on our site. Aside from this material, our site hosts many theoretical texts, critical theories of hired labour, consumerism, the society of the spectacle etc.

A.P.: You are reaching out to the spectrum of newly formed capitalist enterprises and their support systems. In this segment of post-Soviet reality, the relations between employer and employee are far different than they once were, no longer governed by the old rules...

antijob1: Yes. We don't focus so much on monitoring events in factories; we are more concerned with office workers. We want to get in touch with people with concrete problems, helping them in their specific situation. We also want to introduce them to our view of things in general. It's important to form class consciousness in this milieu, where there is no real understanding of the fact that everything has already been divided, which is why you need collective action if you want results. It's also necessary to prompt them as the direction of the social struggle.

antijob 2: Obviously, capitalism nowadays is more complex and much smarter than it was during the late 19th/early 20th centuries. But all those old divisions - bourgeoisie, proletariat - still apply, even if they are better concealed. The new challenge lies in developing a theory through which we might recognize today's proletariat and today's bourgeoisie.

A.P.: Let's see if we can clear this up. According to the theory for examining post-industrialist capitalism, we now face a social formation in which immaterial production (e.g. the service industry, the mass-media and information technologies) has become increasingly important, along with the spread of consumerist rituals. The work force is divided accordingly. Even if you accept this simple model in the West, you might still wonder how to analyze post-Soviet Russia, which could be considered as some kind of divergent, negative variation on the Western evolution of post-industrialism. During the last 10 years, much of the Soviet industry has been stripped. Its workers became society's most problematic segment. The newly formed class of big entrepreneurs only received their capital with the wreckage of industry, speculating on resources that were being sold for peanuts. At the same time, a very fragile understanding of the "middle class" has emerged as a service infrastructure of big business.

antijob2: You just used the term "middle class". This term is nothing more than one of the corner stones of contemporary liberal ideology.

A.P.: I agree. But how can you define the oppressed subject, the contemporary class of hired services? Is this class unified, or is it fragmented into groups with different interests and attitudes? In how far can the term "hired worker" be applied equally to the factory worker and the office employee? Isn't the term too general? Doesn't it actually contain a number of completely different things?

antijob1: The entire question really is very involved. In contemporary texts by anarchist or radical leftwing theorists, the term "working class" actually includes all hired personnel. We see any employee as a worker, regardless of whether his job is at a factory, an office, or wherever. It's far more important how this person identifies himself.

A.P.: OK, so why don't we compare an office worker in Moscow with a worker in some failing factory, whose salary is several orders lower, who doesn't play the game of consuming, and lives a completely

different life. What do these two people actually have in common?

antijob2: It's still actually the same. The office worker has the same problem as the guy who slaves away in the factory. The problem is that their employer can get away with treating them like an animal with no any rights. This problem is unchanging. It doesn't depend on what we do or how much we earn. We're both employees.

A.P.: OK. Let's say that there's a common class consciousness. How would you describe the common ideological structure that could bring solidarity to the both of you, to the factory worker and the office employee?

antijob3: For an example, we can both stop doing our job.

antijob2: We can both exert pressure on our employers in the same way. The only difference is that it is much easier and the same time much harder for office workers to organize. It's easier in the sense that in the office, there are only five of us, while in the factory, we would be talking about a hundred people. But then again the guys who work at the factory probably grew up in a working-class environment, so they won't just let you fire strike-breakers without any problem. In the office, with its corporate morality of "every man for himself", this is much easier.

A.P.: It often seems as if society tells its office workers that they should be happy with their jobs. You are extremely well-paid in comparison to other sectors, so you should be grateful if they keep you around... This is why there are no rules, only money as an universal mediator: capitalism in its purest, most savage form. One could ask whether people who work at an office actually want to be liberated. Or maybe they simply yearn for regulations like they have in the West, a set of rules to protect the sale of their highly qualified labour?

antijob1: Today, it hardly seems likely that anybody wants anything else. But who knows what will happen 5-10 years from now...

antijob2: The employers are digging their own grave. The office-class constantly compares its salaries, and is very sensitive to the smallest change. So anyone who works in an office for miserly pay has to explode at some point; it's inevitable. Because of this, there's permanent tension. The office worker is sitting and waiting. Up to now, he hasn't yet punched his boss in the nose.

A.P.: Doesn't all of this correspond to the classical Marxist view of the petit bourgeoisie? While, this social stratum has much in common with the working class, it has not yet produced a clear-cut ideology of resistance. Instead, it tends to conform. In other words, the petit bourgeoisie aren't really an independent class, because they tend to join the dominant force of the time. Today, this force is the New Russian Bourgeoisie. This is why they haven't punched anyone in the face, which they might if a worker's movement arises tomorrow...

antijob2: Office workers are a part of the working class. It is this class and its elite that is the target of massive neo-liberal propaganda.

antijob3: They are the aristocracy of labour, so they really have something to lose. In Russia, there's also an fundamental difference: the factory workers have an extremely low degree of mobility: they work in one place for their entire lives. If you fire a factory worker, he will encounter a mass of problems. But if you fire the office worker, he will go and apply for another job in a different corporation. So maybe this is why they are so socially passive...

antijob2: I'll say it again, with Marx. Since office workers are not in control of their means of production, you can understand them as workers. The proletarian is a worker who has understood that he has nothing to lose but his chains. So an office worker can actually become a proletarian, once he recognizes his situation. The class struggle takes on different forms – legal battles, sabotage, and even actions subject to criminal prosecution. These are all things that you can find in both the office and the factory.

A.P.: Have there ever been precedents for a successful self-organisation of office workers?

antijob1: We once had someone who organized something like a union in the Russian branch of the Mars company. He started printing anonymous flyers and so on. This made everyone at the corporation paranoid; they all started suspecting one another. In the end, he was fired. Or there was also an anonymous site for McDonalds employees, which exposed their methods of working with personnel. The site received a lot of press coverage, although this didn't make much of a difference. There is obviously a real need for new strategies for these zones.

A.P.: It's interesting how the variety in contemporary labour corresponds to the diversity of contemporary theories from the left. Maybe anarchism or autonomism and their more individualized types of resistance are actually very good for use in the office, where individualism is more highly developed anyway.

antijob2: But actually, autonomism is far more developed as a theory. It is, in effect, a mutation of the exploitative State itself. While all hierarchical structures are susceptible to the security organs, the form with the best chance for survival is the organisational principle of the matrix, a mass of cells, that can block simultaneously in order to reach a common goal.

ТРУД ДЕЛАЕТ СВОБОДНЫМ! | ARBEIT MACHT FREI!

из наследия Иоганна Г. Фихте, Билла Клинтон, Вильгельма Рилля, Гегеля, Генри Форда, Томаса Мальтуса
From the literary inheritance of Johann G. Fichte, Bill Clinton, Wilhelm Rill, Hegel, Henry Ford, and Thomas Malthus

A.P.: So let's recapitulate. Keeping in mind that all of these conceptualizations are diffuse, they are still all based on one common condition, namely the sale of labour. Knowing this, one could formulate the question as follows: can we build the basis for a solidarity between these fragmented fractions of employee?

antijob2: Exactly, fragmented, but fragmented from the outside, through propaganda. Actually, all hired labour is related from the very beginning. This is the consciousness that all employees need to regain.

antijob3: Nowadays everything is interconnected. A programmer in Moscow can't develop his software without the hard-disks that some worker makes in his distant factory. The products of their labour are both connected from the very beginning, which already creates a strong precondition for uniting. The means of resistance could work in exactly the same way. Just as a factory worker can make defective disk drives, a programmer can write code with purposeful mistakes that are very

difficult to find. The main thing that unites the one with the other is knowing that the people above don't give a shit about their employees. No matter where they work, they are being pressed out like lemons. This is what Vasya from the factory and Dima from the office have in common.

antijob1: Our goal is propaganda work, as well as working with concrete labour conflicts, however many parties are involved, be they two people or one hundred.

A.P.: Doesn't this mean that it is your goal to normalize labour relationship within the framework of the existent system?

antijob1: Of course not. In anarchist-communist theory, there is the term of revolutionary gymnastics. At the moment, we don't have the objective conditions necessary to start a social revolution within three months. But revolutions will never be able to work if people aren't experienced in social struggle. Which is why we see these conflicts as a way of preparing people for more active means of making a difference.

- Everybody needs to live through his own labour!
- And there should be no place, where this law is not obeyed

- The racketeer has broken the laws of labour...

...and has expropriated the working man's pay.
- And now, he is forced to work without pay, dreaming of beautified success in his prison cell...

- Man must be educated in the tradition of honest labour...
...and in this lies his free will?

- The barbarian is lazy and differs from the civilized human being in that he loafs around between here and there; but practical education actually consists in the habit and the necessity for labour

ARBEIT MACHT FREI!

- Love the knowledge that you have gained in the process of working, because it is this nature that confirms them and tells them "yes". As a matter of fact, there is no other knowledge but the experience that you gain as you work, everything else is just an illusion of knowledge

- There is nothing more revolting to my feelings than an indolent life. None of us have the right to this kind of indolence...
... there is no work that is as difficult as its absence.

- A number of phenomena emerge as a result of human nature's inescapable laws...

...damned to need?

Yes! Those poor people received an empty stub in life's big lottery.

- More and more, conscience sides with labour...

...he must be...
...taught to labour rightly...

...by virtue of compulsory labour.

- The ideal of the future is an individual who is the entrepreneur of his own force of labour!

Группа питерских художников, интеллектуалов и литераторов вышла на одну из центральных площадей Санкт-Петербурга, став на время “людьми-бутербродами”, то есть надев на себя сзади и спереди рекламные щиты. Передний щит был пустой. Сзади были написаны различные озадачивающие вопросы о смысле и достоинстве труда. “Люди-бутерброды” раздавали прохожим газеты, в которых ничего не было написано, за исключением последней страницы, на которой были перечислены все вопросы. Акция была организована FEZaprojects, при участии галереи “Navicula Artis”

АЛЕКСАНДР СКИДАН | СТОП-МАШИНА

Стоп? Машина? Какая машина? Государственная? Войны? Капиталистической эксплуатации? Производства?

Маркс был апокалиптиком (коммунизм как спасение, пролетариат как мессия), но и позитивистом. Он верил в позитивные науки (в позитивность Науки), в прогресс, в поступательное движение поршня классовых борьбы, приближающего развязку всемирно-исторической драмы. Его учение строится по модели естествознания, общественные законы в нем действуют с неукоснительностью физических.

К тридцатым годам 20-го века эта вера уже трещала по всем швам. Научность научного знания, его “объективность” были поставлены под сомнение (теория относительности Эйнштейна, принцип дополнительности Бора, уравнение Шрёдингера, соотношение Гейзенберга, “лингвистический поворот” в философии, открытие потлача, подрывающее экономический детерминизм, и многое, многое другое). Параллельно: эстетизация политики посредством новых технологий, восход фашизма, соглашательская политика социал-демократии, “бессознательная” буржуазность рабочих, готовых удовлетвориться подачками со стороны власть имущих или даже самими стать мелкими собственниками, наконец, тирания бюрократии и разгром рабочих движений “снизу” в сердце Революции, СССР.

Беньямин, в двойном свете надвигающегося сталинского и национал-социалистического, переформулирует Маркса: революция, говорит он, это не локомотивы истории, а стоп-кран, на который жмет несущееся в пропасть человечество. Он уже побывал в советской Москве, уже ощутил себя в шкуре Кафки, блуждающего в пределах недостижимости Откровения-Замка. А мы, где в настоящий момент блуждаем мы, не верящие ни “правым”, ни “левым”, ни в “правое” и “левое” как таковые; ни в “базис”, ни в “надстройку”, ни в само разграничение “базиса” и “надстройки”; ни в общество (“гражданское”), ни в политику, включая “политику репрезентации” (ни в саму “репрезентацию”)?

Хвати! Стоп! Баста! Забастовка, пускай не всеобщая, без объявления каких-либо требований, поскольку требования, даже самые радикальные, всегда можно удовлетворить. Никаких утверждений, одни вопросы. Утверждения как вопросы. Вновь Беньямин: “Для мышления необходимо не только движение мысли, но и ее остановка. Там, где мышление в один из напряженных моментов насыщенной ситуации неожиданно замирает, оно вызывает эффект шока, благодаря которому кристаллизуется в монаду. Исторический материалист подходит к историческому предмету исключительно там, где он предстает ему как монада. В этой структуре он узнает знак мессиянского застытия хода событий, иначе говоря: революционного шанса в борьбе за угнетенное прошлое. Он ухватывается за него, чтобы вырвать определенную эпоху из гомогенного движения истории...” (“О понятии истории”).

Эквиваленты “замирания”, “остановки”: стачка, забастовка языка. Смех, да и только. С точки зрения метафизики, смех лишен смысла, более того, незаконен, поскольку прерывает буквальность философского (любого властного) дискурса. Платон заключает смех в тюрьму, кроме шуток. Опасность смеха для идеологии. Вопрос также способен прервать, разладить хорошо смазанную машину.

Симтом: труд сегодня прячется, как нечто постыдное. Почему? О нем не говорят, не показывают. Как будто деньги на то, о чем говорят и что показывают (товары, услуги, путешествия, развлечения, зрелища...) берутся из воздуха. Как будто общество достигло стадии, когда никто не работает, но при этом все прекрасно зарабатывают. Труд непристоен. Показанный, он уличает нас. В чем?

Вот “человек-бутерброд”. Их множество на улицах наших городов, они образуют “стертый” фон самой повседневности, ее “белый шум”, неприметный, почти неразличимый, с пустыми, словно разглаженными утюгом потребительского ража лицами, топчущиеся взад-вперед на пяточке мостовой в толпе и вдруг замирающие в оцепенении, — без сил, без мысли, извращением животной усталости. На груди и на спине надписи, одна и та же, всегда одна и та же (даже если они разные, уверяю вас, это одна и та же надпись), иногда их несколько, иногда разным шрифтом, разными (но это только кажется) красками. Молча, механическим жестом они протягивают вам какой-то листок, откуда-то из щели тянется рука...

Стоп. Рука кого? Рекламного агента? (Уже смешно.) Пролетария? Того, кому нечего терять? Что они продают, вот так понуро слоняясь взад-вперед? Свою рабочую силу? Свое время? По сколько часов в день они работают? На кого? До темна? Что производят? Кто присваивает их труд? Который заключается в чем? Что воплощают их спрятанные под рекламными щитами тела?

Рука тянется бесконечно. Вам надоело. Вам все равно. Хочется отвернуться, уйти.

Стоп. Так все же: чья рука?

Артем Магун | 8 вещей, которые должен каждый знать о труде

1. Труд есть, во-первых, свободное совместное творчество людей. Во-вторых, труд есть общение человека с сопротивляющейся ему вещью и с чужой человеческой волей. В-третьих, труд есть задержка удовлетворения желаний на время выполнения ряда технических, ритуальных операций. В-четвертых, труд есть иллюзия, галлюцинация абсолютной власти над вещью и ее оживления-очеловечения.

2. Так что в труде есть и свобода, и несвобода. К труду, который Вам необходим для пропитания, к которому Вы привыкли, для которого у Вас есть система технических правил, добавляется труд по видимости ненужный, который Вы совершаете просто потому, что у Вас есть лишнее время. Что-то происходит, даже если мы просто замрем — многие игры включают в себя замирание, например казаки-разбойники. Когда мы трудимся от нечего делать, нам кажется, что мы играем, а потом нам говорят, что наша игра приносит пользу, и она превращается в обязанность. Но без свободного, праздного труда не было бы труда необходимого.

3. В то же время труд неизбежно включает в себя операцию остановки труда в моменты усталости. Забастовка происходит ежечасно на каждом рабочем месте, когда мастер встряхивается, будто стряхивая с себя магический морок труда, и закуривает сигарету или ест бутерброд. Бутерброд есть символ забастовки. Труд забастовки есть тоже скрытый свободный компонент необходимого кажущегося рабским труда. Надо лишь высвободить его.

4. Необходимым условием труда является рабство. Либо кто-то побуждает человека работать, либо же он сам, работая, придумывает себе командную инстанцию (Бога, закон, трудовую мораль), чтобы она побуждала его к неприятной, терпеливой работе. Иногда трудящийся является своим собственным рабом или рабом собственных желаний. Так или иначе, заставляют трудиться и порабащают сам свободный труд.

5. Труд является политической проблемой. Заставляет нас трудиться всегда политическая власть, в какой бы форме, внутренней или внешней, она ни представала. Специфическая сфера политического труда — идеология, где эксплуатируется сам господин, вернее иллюзия господства над предметом, присущая труженику. Этот якобы господин становится рабом сим-

волической машины как системы циркуляции идей и слов. Журналист, пиарщик, идеолог без устали трудится над производством этих идей, которые должны всем быть понятны, так что теряет способность что либо видеть, воспринимать какой-либо смысл, и становится вещью со сменной надписью, превращается в простой бутерброд.

6. Труд опасен как секс. Начиная трудиться для себя и становясь тем самым собственным рабом, человек рискует — в этот момент он становится уязвим, и его особенно удобно поработить чужому господину. В фильме датского режиссера Ларса фон Триера “Догвилль” молодая девушка бескорыстно предлагает свою помощь жителям маленького городка, но постепенно сама не замечает, как превращается в рабыню, люди настолько привыкают к ее свободному дару, что воспринимают его как обязанность. Кончается тем, что они сажают ее на цепь как собаку. Не так ли мы относимся каждый день к вещам, ставшим товарами, к людям, ставшим “партнерами”, и к нашим собственным телам?

7. В 16 веке итальянский мыслитель Галилео Галилей перевернул западный мир, открыв свой закон инерции. Оказалось, что движение, трансформация — не свободный акт Бога или человека, а нормальное, инертное состояние материи. С тех пор люди стали воспринимать труд как обязанность, как требование природы. Капитализм ежечасно потрясает и переворачивает мир. Но — внимание! — если движение и труд естественны, то свободным, по-настоящему трудным актом будет только его неожиданная остановка или *перерыв*. То, что отрицает отрицание, сдвигает само движение, меняет само изменение. Эта остановка не возвращает нас к некоему воображаемому покою, а впервые собирает движение в точку внутренней силы, собирает людей, разрозненных принудительным и разрушительным трудом, в сообщество, собирает вещи и тела, отчужденные в машины и товары, в плотски общающийся мир.

8. Полная отмена труда невозможна, потому что именно безделье лежит в основе труда. Полная апроприация труда означала бы новое тотальное рабство. Но трудящиеся должны знать и чувствовать труд, ритм безделья и забастовки как свое оружие, противопоставляя его труду траура и жертвы. Так мы

Materials to the action “Stop the Machine” | 12 January 2004 | Vosstanija square, St.Petersburg

A group of Saint-Petersburg artists, intellectuals, and writers came out into one of the central city squares, to become, for a while, the “sandwichmen” and “sandwichwomen”. Each of them put on two advertising signs. The front one was empty. On the rear sign there were written various puzzling questions concerning the meaning and dignity of labour. The sandwichmen and sandwichwomen were handling newspapers to the passers by. The newspapers were also empty, except for their last page, where all the questions were listed together. The action was organised by FEZAprojects in cooperation with gallery Navicula Artis.

Вас эксплуатируют?
Вы эксплуатируете?
Эксплуатация неизбежна?

В детстве вы мечтали
об этой работе?

Работа это женское дело?
Работа это мужское дело?
Чье это дело?

Работа делает вас свободным?

Вы боитесь власти?
Власть боится вас?
Будем бояться вместе?
Кто не работает, тот не есть?

Вы нужны начальнику?
Вы нужны коллективу?
Вы нужны президенту?
Кому вы нужны?

Счастье в труде?
Счастье в деньгах?
Сколько стоит счастье?

Are you being exploited?
Are you exploiting somebody?
Is exploitation inevitable?

Did you dream of this job
when you were a child?

Is work a woman thing?
Is work a man thing?
Is work a common thing?

Does work make you free?

Your boss needs you?
Your team needs you?
Your president needs you?
Who needs you anyway?

Who does not work, is not?

Are you afraid of the authorities?
Are the authorities afraid of you?
Let us be afraid together?

Happiness through labour?
Happiness through money?
How much does happiness cost?

ALEXANDER SKIDAN | STOP THE MACHINE

Stop? Machine? Which machine? The machine of the State? Of war? Of capitalist exploitation? Of production? Marx may have been an apocalyptic thinker (communism’s salvation, the proletariat messiah), but he was also a positivist. He believed in positive science (in the positive nature of science), in progress, in the forward motion of the class struggle’s piston, and in the impending outcome of the world-historical drama. His doctrine is constructed according to the models of natural science; social laws in it apply with physical rigour.

By the 1930s, this belief was already bursting at the seams. The scientific nature of scientific knowledge, its “objectivity” were called into question: Einstein’s theory of relativity, Bohr’s complementarity, Schrödinger’s wave equations, the Heisenberg principle, the “linguistic turn” in philosophy, the discovery of the Indian potlatch, which eroded economic determinism and so forth and so on. In parallel: the aesthetization of politics in the age of technical innovation, the rise of fascism, the conciliatory politics of social democracy, the “unconscious” bourgeois consciousness of the working class, easily satisfied by piece-meal thrown to them by the powers-that-be, propertied, even ready to become entrepreneurial, and finally, the tyranny of bureaucracy, as the “grassroots” worker’s movement was smashed at the heart of the Revolution, back in the USSR.

In the approaching dual twilight of Stalinism and National Socialism, Benjamin re-formulates Marx: the revolution, he writes, is not the locomotive of history, but an emergency-brake, pulled by the passenger heading towards the humanity’s approaching abyss. At this point, Benjamin had already been to Moscow, already been in Kafka’s skin, wandering lost along the margins of inaccessible Revelation, never able to approach the Castle. But where do we wander today, finding the “progressives” incredible and the “conservatives” implausible, even unable to believe in the “left” or the “right” as such, recognizing neither “base” nor “superstructure”, unable to conceive of the very concept of “base” and “superstructure”, disillusioned with both society (“civic values”) and politics, including the politics of “representation” (and “representation” as such)?

nough! Stop! Basta! A strike, even if it is symbolic and not general, a strike. A strike without demands, because even the most radical demands can be satisfied. No affirmations, only questions. Affirmations as questions. Again, Benjamin: “Thinking involves not only the flow of thoughts, but their arrest as well. Where thinking suddenly stops in a configuration pregnant with tensions, it gives that configuration a shock, by which it crystallizes into a monad. A historical materialist approaches a historical subject only where he encounters it as a monad. In this structure he recognizes the sign of a Messianic cessation of happening, or, put differently, a revolutionary chance in the fight for the oppressed past. He takes cognisance of it in order to blast a specific era out of the homogenous course of history...” (W. Benjamin, “On the Concept of History”, 1940)

Equivalents of “arrest”, of “coming to a standstill”: walk-out, language strike. Laughter, nothing more. From a metaphysical point of view, laughter is devoid of sense, and what’s more, it is lawless, since it interrupts the literality of the philosophical discourse (and of any discourse of authority, for that matter). Plato condemns laughter to prison: no kidding. Ideology, endangered by laughter. But a question can also bring any well-oiled machine out of kilter.

Symptom: today, labour hides like something to be ashamed of. Why? It’s not something you talk about, not something you show. It’s as if the money for whatever you talk about and show (goods, services, travel, entertainment, fun...) had come out of thin air. As if society had reached a point at which no one was working anymore, but everyone was earning plenty. Labour is obscene. If it is shown, it will incriminate us. Of what?

Take the “sandwichmen”. There are many of them on our city’s streets, amounting to a “blurred” static of the everyday, “white noise”, difficult to perceive, nearly indiscernible, with empty faces pressed smooth by the iron of consumerist affectation, stepping back and forth at the crowded hang-out on the bridge, freezing up suddenly in torpor, devoid of strength, bereft of thought, to become a statue of animal exhaustion. The placards on their chests and spines carry inscriptions, one and the same, always one and the same (even if they are different from one another, the inscription is always one and the same, I can assure you). Sometimes, there is more than one legend. Sometimes, its captions are lettered in different fonts, sometimes (or so it seems) in different colours. A hand reaches out from its slit silently with a mechanical gesture, passing you a leaflet of sorts.

Stop. Whose hand? The hand of an advertising agent? (This is already funny.) The hand of the proletariat? The hand of those who have nothing to lose? What exactly are they selling, swaying back and forth in dull motion? Their work? Their time? How many hours a day do they work? For whom? Until dusk? What are they producing? Who is appropriating their labour? Which consists of what? What exactly do their bodies substantiate, hidden beneath the sandwich shields?

The hand reaches out endlessly. You are sick and tired. You no longer care. You want to turn away and go.

Stop. And again: whose hand, exactly?

¹ Translator’s Note: *sandwichman* is a slightly anachronistic English term for someone who is paid to stand on street corners as living advertisements, sandwiched between two man-size advertising signs.

Artem Magun | Eight Things You Should Really Know About Labour

1. Labour is, first of all, the free creativity of people working together. Second, labour is the human being’s communication with a resistant thing or with a foreign, external human will. Third of all, labour is a means of delaying the satisfaction of human desire in favour of executing an entire series of technical and ritual operations. Fourth, labour is the illusion or hallucination of having absolute power over a thing, of being able to bring it to life, of being able to make it human.

2. So actually, there’s freedom and non-freedom in labour. In addition to the work that you do to feed yourself, the work to which you are accustomed, the work for which you have a system of technical rules, you are also faced with work that is apparently unnecessary, which you only do because you have spare time. Something happens, even if we simply freeze – many games include coming to a full stop, cops and robbers, for an instance. When we work because there is little else to do, it will seem to us that we are playing, but later, they will tell us that our game was useful, which is how play becomes duty. However, without free, jubilant work, necessary work would never be able to exist.

3. At the same time, work invariably includes the operation of stopping in the moment of tiredness. In this sense, a strike takes place on an hourly basis in every workplace, when the master shakes himself, as if to shrug off the magical trouble of labour lost, lighting up a smoke and biting into his sandwich. So the sandwich (the hero of our performance) actually symbolizes the strike. The strike is a concealed, free component of the slave labour that appears to be so necessary. It’s something you just have to free up.

4. Slavery is a necessary condition for labour. You are either called to work, or, in working, you think up some commanding instance (God, the Law, a Work Ethic), to rouse you from your unpleasant, patient job. One way or the other, someone will make you work, enslaving the freedom of labour.

5. Labour is a political problem. The force that makes us work is always political, no matter what its form, be it interior or exterior. The specific sphere of political work is ideology, exploiting the boss himself, or, to be accurate, the illusion of being the master over the objects that is intrinsic to the worker. But although he may seem to be a master, the ideologue actually becomes a slave to a symbolic machine, a circulatory system of ideas and words. The journalist, the PR-specialist, or the ideologue tirelessly produces these ideas, ideas that need to be accessible to everyone, and in doing so, he loses the ability to see any sense or meaning at all, becoming a thing with an interchangeable inscription, morphing into a simple sandwich.

6. Labour is as dangerous as sex. Beginning to work for himself and becoming a slave, the human being takes a risk, becoming vulnerable. At this point, it is especially comfortable to work for yet another master. In Lars von Trier’s “Dogville”, a young girl selflessly offers up her help to her small town neighbours, but gradually fails to notice that she is becoming a slave. People get used to her free gift so quickly, that they understand it as her duty. In the end, they put her on a chain like a dog. Isn’t this how we, in our daily lives, relate to things that have become products, to people who have become “partners”, to our own bodies?

7. In the 16th century, the Italian thinker Galileo Galilei turned the Western world upside down by discovering his law of inertia. It became clear that movement and transformation were not free acts of God or man, but normal, material states of inertia. Since then, people have come to see labour as a duty that fulfils nature’s demand. Capitalism shocks and turns the world upside down at least once an hour. But – watch out! – if motion and work are omnipresent, the only free, genuinely difficult act will be the unexpected interruption, the *break*. By negating negation, you move motion off onto a new vector, changing change itself. This pause does not return us to some imaginary state of peace; instead, it collects motion to a point of inner energy, unifying people that were once separated by dull and destructive labour to a community, drawing together thing and bodies, alienated into machines and goods in a world of material communication

8. The full-fledged abolition of labour is impossible, because it is idleness that is the basis for work. The full appropriation of work would imply a new, total form of slavery. But the worker should realize that work and the rhythm of idleness and striking are weapons, opposed against the labour of sacrifice and mourning. And thus we

Давид Рифф (Д.Р.) Готовясь к нашей беседе, я наткнулся на электронную ссылку к вашему тексту “Оправдание искусства, или Конец интеллигенции”, написанному для журнала “Флэш Арт” в 1996 г. Однако я был разочарован, но и заинтригован, когда обнаружил, что эта ссылка не работает: я нашел лишь эфемерные дигитальные артефакты. Тогда я подумал, что эта мертвая ссылка послужит удобной отправной точкой для разговора об интеллектуальном труде. Насколько далеко, по-вашему, зашел кризис русской интеллигенции в девяностые годы, в смысле соглашательства с эфемерным производством “концептов” и “проектов”, которые очень быстро утрачивают всякий смысл? И не означает ли, что ссылка мертва, того, что ваши взгляды за пять лет утратили актуальность?

Виктор Мизиано (В.М.) Насколько я помню, текст, о котором вы говорите, вызвал энтузиазм у Марата Гельмана. Не знаю, читал ли он на самом деле текст или нет, но ему понравился термин “пост-интеллигент”. Он хотел перевести текст на русский и вывесить у себя на сайте, отсюда, наверное, и электронная ссылка. Но его интерес, видимо, пропал так же быстро, как появился, потому что ссылка и умерла так скоро. Эта ситуация мне кажется крайне симптоматичной и подводит меня к ответу на ваш вопрос.

Тогда, когда писался этот текст, мне казалось, что российский мыслящий класс отошел от парадигмы “интеллигенции”, не сумев приблизиться к ее западному аналогу - к фигуре “интеллектуала” (в ее классическом сартровском определении). К началу девяностых диссидентско-интеллигентская концепция интеллектуального труда уже стала предметом журналистского зубоскальства, а фигура “интеллектуала” осталась не понятой, а если и по наитию понятой, то отвергнутой как слишком невписывающейся в социальную перспективу, открытую неолиберальными реформами. Пост-интеллигент и недоинтеллектуалы ушли в масс-медиа, в мир информатики, а затем и в политехнологии, т.е. в сферу деятельности более оперативную и в то же время более социально эффективную. Это придало “интеллектуальному труду” новую темпоральность: работать надо было быстро, а следовательно и более поверхностно. Обусловленная одномерно-наивным пониманием рынка, метафизической апологией денег и лесным антикоммунизмом эта новая форма “пост-интеллигентского” труда требовала определенного анти-фундаментализма и этической гутаперчивости. В результате российские политехнологи стали по сути одним из главных товаров российского интеллектуального экспорта, хотя у них очень мало общего с качеством продуктов, производимых классическим европейским интеллектуалом; продукция последнего действительно что-то значит, поскольку глубоко укоренена в этике убеждения. И это то, чего российские “недо-интеллектуалы” так и не достигли. Неолибералы предпочитали устраивать рок-концерты на Васильевском спуске, но так и не создали ни одного действительно серьезного аналитического исследовательского центра. Наконец, важно иметь в виду, что поругание интеллигентского нравственного кодекса было достаточно очевидно запрошено властью: в ситуации нравственного релятивизма, притупления критического чувства у мыслящего класса, его социального рассеивания – в этой ситуации были на много проще проводить радикальные реформы и обвальную приватизацию...

Чтобы перевернуть ваш вопрос, я бы хотел поговорить о формах оппозиции этой “пост-интеллигентской” деятельности девяностых, которые входили в мой личный опыт в таких проектах, как “Гамбургский Проект” или “Лаборатория визуальной антропологии” Валерия Подороги. Здесь темпоральность интеллектуальной работы находится в разительном контрасте со спешкой “пост-интеллигентской” деятельности: долгие, растянутые дискуссии, живая речь, которая даже не артикулировалась в письменности, сознательный отказ от социальной эффективности. Их результатом была своего рода аутичность, герметичность, пост-идеологическое сектанство, отстаивающее свое индивидуальное Я, и одновременно глубокая обращенность к Другому, к собеседнику. Это был крайне важный опыт, в котором интеллектуальный труд, нося совершенно незаинтересованный характер, познавал себя; не переставая быть трудом, он одновременно наполнялся пафосом сопротивления и оборачивался чистым удовольствием.

Д.Р. У меня такое впечатление, что на Западе, по крайней мере во второй половине девяностых, была иллюзия, что “пост-интеллигентская” мобильность и одержимость автоно-

мией могут соединиться, образовав новые, гибкие формы интеллектуального труда, в смысле концепции лингво-информационного, постфордистского производства в духе Грамши и Вирно. Многим дизайнерам, программистам, создателям концепций, формирующим пролетариат мыльного пузыря интеллектуальной индустрии, казалось, что слияние мобильности и автономии возможно. Но сегодня этот пузырь лопнул. Многие вдруг “вспомнили”, что на самом деле труд и работа – это нечто негативное, если они отчуждаются и эксплуатируются. Тут-то, ты как “интеллектуальный рабочий”, и начинаешь задавать фундаментальные вопросы, стремясь прочь от опасного пост-интеллектуализма. Ты не только спрашиваешь себя, как разорвать с неолиберальным компромиссом, ты также спрашиваешь себя, как его предпосылки – “пост-интеллектуальная” мобильность и одержимость автономией – использовать лучшим образом... Ясно, что ситуация в России сильно отличается, у нее свои “мыльные пузыри”, сначала крах “старой” интеллигенции, потом кризис и конец “неолиберальной деятельности”. Но я согласен: можно смотреть на эти лопнувшие пузыри как на продуктивный опыт, несмотря на их катастрофические последствия...

В.М. Хочу оговорить, что я не расцениваю опыт 90-х как однозначно негативный. Была в нем и своя продуктивность: он явно оказал на российский мыслящий класс отрезвляющее воздействие. Так многие коллизии пост-интеллигенции происходили из уязвимых мест интеллигенции советской, например из ее чрезмерной отождествленности с властью и глубоким антидемократизмом. (Помните это презрительно-ироническое определение простого человека – “гегемон”!). В 90-е ситуация перевернулась: встав перед необходимостью выживания, бывший советский интеллигент приблизился к тому, что Грамши называл “интегральным интеллектуалом”. Кандидат философских наук мог днем заниматься извозом, а вечером переводить Хайдеггера, а микробиолог сочетать работу в научной лаборатории с руководством ремонтной бригады (я знаю много таких случаев). Можно ужаснуться этой ситуации, а можно и усмотреть в ней свою позитивность, свой крайне уникальный и отрезвляющий опыт. И тем не менее факт остается фактом, в целом реформаторское десятилетие разрушило многие интеллектуальные институции. Однако сегодня – особенно после выборов – рущатся мифы пост-интеллигенции 90-х годов, и это заставляет людей переосмыслить свою позицию в отношении гражданского общества. Утробный антикоммунизм, апология рынка, нравственное оправдание конформизма оказались тупиком, поэтому неизбежен возврат к проекту создания институтов гражданского общества, “экспертных” сообществ, пространств для рефлексии и негативной критики. Это неизбежно будет означать новую институционализацию мыслящего класса, который обретет свою автономию, развив профессиональную этику, каковая выставит некий барьер между интеллектуалом и заказчиком...

Д.Р. Можно спорить, как это будет происходить. Произойдет ли это, как говорите, неизбежно? Или нынешняя ситуация вызывает к активной позиции в переопределении интеллектуального труда, требует как негативной критики, так и позитивной вовлеченности?

В.М. Конечно, существуют различные подходы, это может быть и оживление академических структур, и энергетический порыв социального активизма... Если выйти за рамки российского контекста, интересно посмотреть, что происходит сейчас в Западной Европе. Последние годы не породили ни одной новой серьезной интеллектуальной фигуры, что не удивительно, если знать констелляцию 90-х. Однако, пока тянется эта пауза, становится ясно, что есть огромная потребность и ностальгия по интеллектуалу. Будет очень интересно увидеть, какие возникнут позиции и формы с появлением нового поколения интеллектуалов.

Д.Р. Возможно, это поколение возникнет из тех, кто побывал имидж-мэйкером, политехнологом, поработал в медиа...

В.М. И это тоже не исключено. Можно предположить, что в ситуации нового общественного запроса на фигуру интеллигента, произойдет встреча разочарованных политехнологов и медиакратов с, описанной мною выше, российским вариантом “интергального интеллектуала”. Однако возможно появление и совершенного новых типажей. Возможно они уже существуют, но мы – зашоренные старыми представлениями – их просто не распознаем...

David Riff (D.R.): As I was preparing for our conversation, I hit upon a link to a text “Justification of Art or the End of Intelligentsia”, written for “Flash Art” in 1996. Yet I was both disappointed and intrigued to find that this link was dead: I was only able to find its ephemeral digital artefacts. I thought this dead link as a point of departure for our conversation on intellectual labour. In how far do you see the crisis of the Russian intelligentsia during the 1990s as a concession to the ephemeral production of “concepts” and “projects”, which very soon lose their meaning? And does the fact that the link is dead mean that your views from 5 years ago have lost any of their original significance?

Viktor Misiano (V.M.): As far as I can remember, the text you’re talking about provoked the enthusiasm of Marat Guelman. I don’t know whether Marat actually read the text or not, but he immediately became enthused with the term “post-intellectual”. He wanted to translate the text into Russian, and to publish it on his site, which is probably how the link appeared. But his interest faded as quickly as it came up, which might be why the link died very soon. This situation is very symptomatic and brings me to your question.

My view then was that Russia’s “thinking class” had departed from the idea of the “intelligentsia” without ever identifying itself with the conception of the intellectual (in the sense of Sartre). By the early 1990s, the dissident intelligentsia’s conception of intellectual labour had already become the subject of wide-spread criticism in the press, and the figure of the “intellectual” was something that was hardly understood or understood intuitively, but rejected as inappropriate to the social perspectives of neo-liberal reform. Members of the post-intelligentsia and pseudo-intellectuals opted for media that were far more fast-paced and, at the same time, more socially effective. This gave their “intellectual labour” a new temporality: it was necessary to work quickly, more superficially, with great flexibility. Determined by an exalted metaphysical view of money and an ethos of “standing up for one’s right to proper pay”, this new form of “post-intellectual” labour demanded a certain kind of anti-fundamentalism and plasticity, an ability to adjust to new tasks, epitomized most compactly by the political technologist. Such highly talented individuals are willing to sell their intellectual services to political groups or leaders with views that differ drastically from his-her own. By now, Russia’s political technologies have actually become one of Russia’s main export goods, although they have very little in common with the quality of a classical European intellectual’s products; the European intellectual’s production actually means something because it is firmly based in an ethos of convictions. This is something that the “post-intellectual” has not reached. Even if the neo-liberals organized rock-concerts and commercials on TV; “post-intellectual” production has not yet established one serious analytical or scholarly institution. Furthermore, what makes me wary is that all the deconstructions of the intelligentsia’s codex were quite obviously motivated by the authorities: in the situation of ethical relativism, as the critical senses of the “thinking class” dulled to the point of social dissolution, it was much easier to conduct radical reforms and whole-sale privatization.

To turn your question inside out, I would like to talk about the forms of opposition to this “post-intellectual” activism of the 1990s, which I experienced in projects like the “Hamburg Project” or the Laboratory of Visual Anthropology, which we held together with Valery Podoroga. Here, the temporality of intellectual work stood in stark contrast to the fast pace of “post-intellectual” activism: long, drawn-out discussions, live speech, not even articulated in writing, whose results consciously didn’t even try to reach society at large. The result was a kind nearly autistic hermeticism, a post-ideological, post-sectarian obsessiveness, concentrated on defending personal subjectivity, deeply involved in personal dialogues with the project’s co-participants. This was an incredibly important experience in which intellectual labour recognized itself, without vesting any practical interest. Without ceasing to be work, it was, at the same time, filled with the pathos of opposition, turning from work to pure pleasure.

D.R.: It is my impression that in the West, there was, at least in the second half of the 1990s, the illusion that BOTH “post-intellectual” mobility and obsessive autonomy might be combined in new, flexible forms of intellectual labour, in the sense of conception of linguistic-informative, post-Fordist production a la Gramsci or Virno. To many of the concept-makers, designers and programmers that composed the soap-bubble industry’s intellectual proletariat, it seemed that an fusion of mobility and autonomy might be possible. But by now, the soap-bubble has burst dramatically. Many people are “remembering” that labour or work is actually something negative or compulsory, if it is alienated or exploited. As an “intellectual worker”, this is where you begin to ask fundamental questions, reaching above and beyond the more virulent post-intellectualisms. You don’t only ask yourself how to terminate the contract of the neo-liberal compromise, you also ask yourself how its prerequisite skills – “post-intellectual” mobility and obsessive-reflexive autonomy – might be put to better use...

Obviously the situation in Russia is far different and presents its own “bursting bubbles”, first the collapse of the “old” intelligentsia, then the crisis and demise of “neo-liberal activism”. But I agree: it is possible to see these bursting bubbles as productive experiences, despite their catastrophic impact...

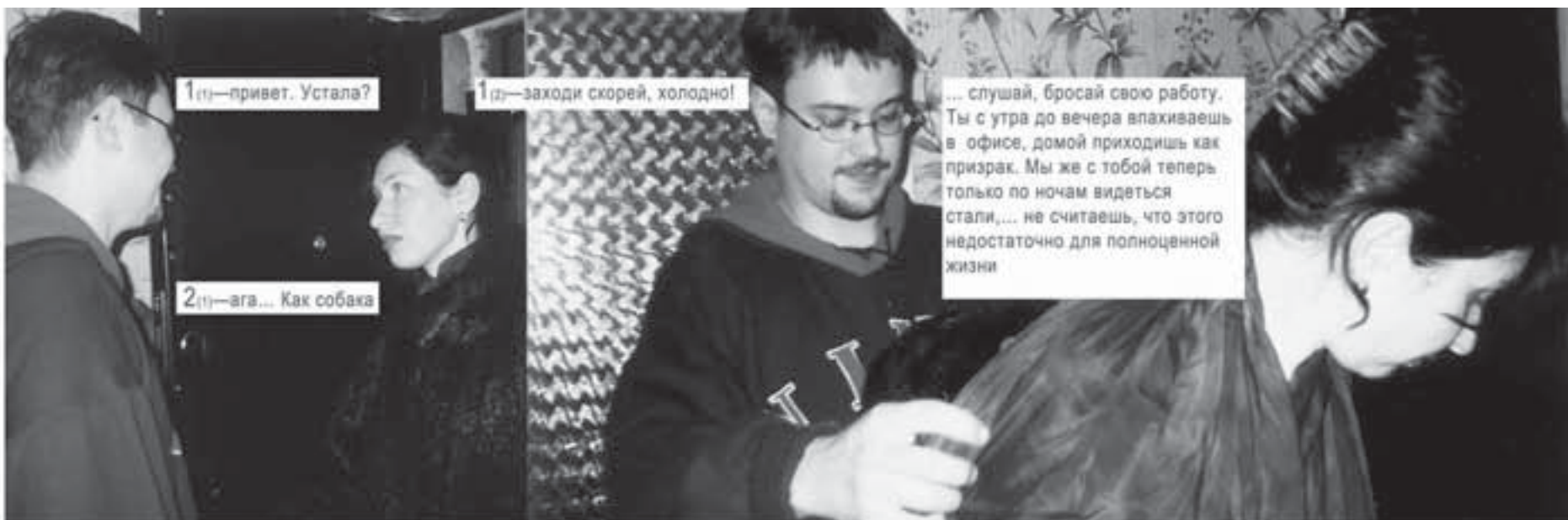
V.M.: I would like to say that I do not see the experience of the 1990s as something that is clearly negative. In part, it was also productive, and had a sobering effect on the Soviet intelligentsia. Many of the collisions of the post-intelligentsia actually came from the Soviet intelligentsia’s weak points, its deeply anti-democratic attitudes or its ambivalent relationship to authority, for an example. (Remember that derisory-ironic nickname for the people, “hegemon”!). In the 1990s, the tables were turned: faced with the need for bare survival, the former Soviet intellectual came close to what Gramsci called the “integral intellectual”. Someone with a PhD in philosophy might have been a driver by day, translating Heidegger into Russian at night, or a microbiologist might have combined his work in a scientific laboratory with the organization of construction contracting for renovations. (I know of many cases like these.) While this situation can have a horrifying effect, one can also consider it in positive terms, as a unique, sobering experience. Yet still, the fact is that many an intellectual institution was destroyed in the process. Today – especially after the last elections – many of the post-intelligentsia’s myths are in the process of collapsing, forcing people to reconsider their position in regard to the creation of a civil society. Inevitably, as the primitive anti-communism and apology of the market reveals itself as a dead end, it will become increasingly important to return to the project of creating institutions for a civil society, “expert” communities that actively discuss society’s normative systems, spaces for reflection and negative criticism. Inevitably, this will mean reconstitution of the thinking class, which will regain its autonomy, developing a professional ethos that can define barriers between itself and its sponsors...

D.R.: Here, one might argue how this will happen. Will it be, as you put it, happen inevitably? Or does the contemporary situation require an active stance in redefining intellectual labour, in both negative criticism and positive engagement?

V.M.: Of course there are different approaches, both academic and activist. [...] Looking beyond the Russian context, it’s interesting to see what is currently happening in Western Europe, where the autonomous discipline’s liberal ideals have, in a sense, been emptied of meaning. The last years have not produced any new serious intellectual figure, which isn’t surprising, if you know the constellation of the 1990s. Yet as this hiatus draws itself out (пауза тянется), it becomes clear that there is a huge demand and nostalgia for the intellectual. It will be very interesting to see which positions and forms arise, as a new generation of intellectuals emerges.

D.R.: Maybe this generation will emerge from people with the experience of having been concept-makers, political technologists, or media-person...

V.M.: I think you have a point. One can hope for the meeting between disappointed political technologists and mediocrats and society’s pressing need for the figure of the intellectual. It is this meeting that will heighten and sharpen the new intellectual debate.

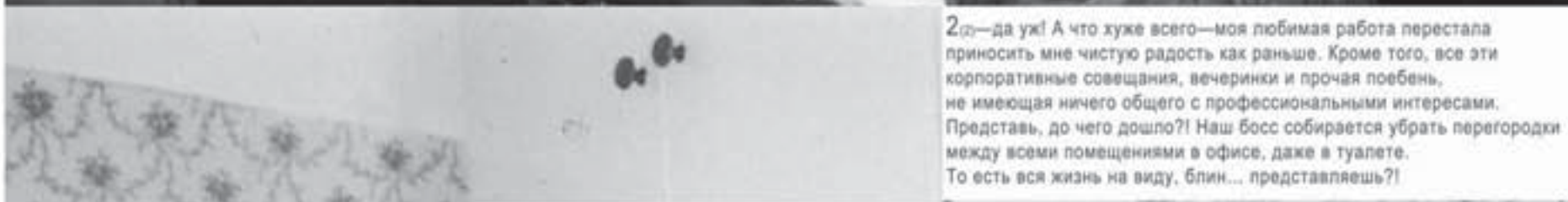

1(1)—привет. Устала?

1(2)—заходи скорей, холодно!

... слушай, бросай свою работу. Ты с утра до вечера влаживаешь в офисе, домой приходишь как призрак. Мы же с тобой теперь только по ночам видятся стали, ... не считаешь, что этого недостаточно для полноценной жизни

2(1)—ага... Как собака

2(2)—да уж! А что хуже всего—моя любимая работа перестала приносить мне чистую радость как раньше. Кроме того, все эти корпоративные совещания, вечеринки и прочая поебень, не имеющая ничего общего с профессиональными интересами. Представь, до чего дошло?! Наш босс собирается убрать перегородки между всеми помещениями в офисе, даже в туалете. То есть вся жизнь на виду, блин... представляешь?!

1(3)—вот урод!!! И как он это объясняет?

2(3) - целую лекцию прочитал на собрании. Мол, для достижения общих целей «нам» необходимо абсолютное единство... «наша» миссия и новая корпоративная мораль... мы единый трудовой организм. Бла-бла-бла!.. тоже мне - «Форд-извращенец»! Меня чуть не стошнило

1(4)—слушай, уходи оттуда. Если так дальше пойдет—ничего путного не получится. У тебя отличная востребованная профессия, ты ее любишь, я тоже не бездельник и кое-что могу, устроюсь как-нибудь

2(4)—да какая, собственно разница? Считаешь, если я уйду из одной корпорации в другую - всё будет иначе. Ничего подобного. Везде одно и то же. Каждый, кто хочет, чтобы его «бизнес успешно развивался на современном рынке», вынужден придумывать свою уникальную «стратегию», руководствуясь собственной убогой моралью. И чем изощреннее твоя «внутрикорпоративный метод» - тем удобнее руководить коллективом. О человеке, личности в единственном числе никто уже не говорит. Мы все - персонал

1(5)—ну, хорошо. Тогда давай откроем свое собственное дело. Позвоним друзьям—может кто подключится. Будет совсем другое дело, другой бизнес, независимый, где сочетаются творческие и профессиональные задачи. Где учитываются интересы каждого лично. Потому что каждый—личность!

2(5)—вот-вот! А через год ты начнешь «расширяться», нанимать людей со стороны, диктовать им свои условия, «руководить персоналом»... а ведь мой труд не может принадлежать никому, кроме меня, мой труд—величина неэксплуатируемая! Поэтому честнее—не нанимать и не наниматься, но тогда есть угроза умереть с голоду, и, что гораздо страшнее—сгнить со скуки. Ведь мы с тобой молодые, энергичные люди и ничего не делать это все равно что ни о чем не думать. Тут надо найти какой-то совсем другой способ трудиться, творить и жить достойной жизнью. Это не стыдно, это правильно. Некоторые идеалисты для этого объединяются в скваты и независимые поселения, сажают морковь, доят коров, солят огурцы. Но это зачастую пахнет сектантством, а сектантство—тот же корпоративизм. И еще не ясно, что хуже

1(6)—хуже всего для тебя на данный момент—не поужинать и не отдохнуть. Иди, вымой руки, я тут кое-что приготовил

2(6)—слушай, а соленых огурцов у нас нет?

1(7)—откуда бы им взяться? Ты всё лето в офисе проторчала, мы на дачу так и не съездили не разу

1(1)—Hey. What's up? You tired?

2(1)—Uh-huh. Like a dog...

1(2)—Come in, it's cold out!...Listen, you should really quit your job. You slave away in your office from dusk till dawn; you come home like a ghost. We only see one another at night,...I mean, really: is this life?

2(2)—I know what you mean! And what's worse, the work that I once loved has stopped bringing me the kind of joy it used to bring. Besides, there are all of these corporate meetings, parties, and that other stupid fucking shit, none of which has anything at all to do with my professional interests. Can you imagine?! Our boss wants to rid of all of the separations between our cubicles at the office, even in the bathroom. Shit, that means that everything will be on view, no privacy... can you imagine?!

1(3)—What an asshole!!! And what's his justification?

2(3)—He read us an entire lecture at the last meeting. To achieve our common goals, "we" need to achieve total unity..."our" mission and a new corporate morale...we're one singular professional organism. Blah-blah-blah!...Fuck you, Fordist pervert! I nearly puked

1(4)—Listen, you should really quit. If this goes on, nothing good will ever come out of it. You have a great profession, which is

really in demand, you love your work, and me, I'm not lazy either, we'll get by somehow

2(4)—But then again, what difference does it make? Do you really think that everything will change if I leave one corporation for another? Fat chance. It's the same bullshit everywhere. Anybody who wants his "business to develop successfully on today's market" needs to think up his own unique "strategy", leading his company with his own pitiful morale. And the more refined your "intra-corporate method", the more convenient it becomes to lead your team. You won't ever hear anyone speak of the single person. All we are is a human resource

1(5)—OK, fine. So then, let's start our own business. Let's call all our friend - maybe they'll want to join us. It'll be something completely different, a different business, independent, based on the combination of creative and professional goals, where every individual's interests and needs are taken into account. Because every person is a personality!

2(5)—Uh-huh! And in a year, we'll start to "expand", hiring people from the outside, dictating your conditions, "leading the team"...but if you think about it, my work doesn't belong to anybody but me,

it's my work after all, a quantity that can be expropriated! So it's far more honest not to hire and not to be hired, but then there's the very real danger of dying of hunger, and what's far worse, rotting away of boredom.

We're still young, you and me, young and energetic, and to do nothing is the same as thinking of nothing. We need to find some completely new way of working, of creating and leading a dignified life. There's nothing to be ashamed of in that. Some idealists join together in squats and independent communities to do just that; they plant carrots, milk cows, and pickle cucumbers. But all of that reeks suspiciously of a cult, and a cult is yet another corporation. So it's really hard to say what exactly is worse

1(6)—What's worse than anything else at this point is that you're not eating and not resting. You should go and wash your hand, I cooked something, you know?

2(6)—Listen, do we have any pickles in the house?

1(7)—Pickles? From where? Don't you remember? You sat around at the office all summer, so we didn't drive out to the dacha, not even once

The labour is essentially the unfree, inhuman, anti-social activity that is conditioned by private property and that creates private property. The liquidation of private property will become real only if it is understood as the liquidation of "labour".

Karl Marx, "On the book by F. List, 'The national system of political economy'"

Труд по сути своей - это несвободная, бесчеловечная, антиобщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. Ликвидация частной собственности станет реальностью только в том случае, если она будет пониматься как ликвидация "труда"

Карл Маркс, "О книге Фридриха Листа 'Национальная система политической экономики'"

free newspaper "What is to be done? №3 - Emancipation from/of Labour" was realised as a part of an art project by Dmitry Vilensky "Negation of Negation" in a frame of the exhibition "**Faster than History**", The Museum of Contemporary Art KIASMA, 2004

газета "Что делать? №3 - Освобождение [от] труда" была осуществлена как часть проекта Дмитрия Виленского "Отрицание отрицания" в Музее Современного искусства Kiasma в рамках выставки "**Быстрее, чем история**", 2004

Идея, составление, графика: Дмитрий Виленский и FEZAProjects // // Idea, concept and graphics: Dmitry Vilensky and FEZAProjects

арт группа **FEZAProjects** (Ольга Егорова (Цапля), Дмитрий Виленский, Артём Магун, Александр Скидан, Давид Рифф и Николай Олейников), базирующаяся в Петербурге и Берлине, является платформой для совместной творческой работы всех, кто заинтересован в поиске альтернативных возможностей развития искусства в свете необходимых радикально-демократических преобразований.

Газета "Что делать?" является печатным органом FEZAProjects. Исторический вопрос "Что делать?" приобрел широкую интернациональную известность из российского культурно-политического контекста (Чернышевский-Ленин). Актуализация этого вопроса сегодня продиктована стремлением к переосмыслению искусства, как формы социального действия.

контакт: dv@fezaprojects.com

FEZAProjects (Olga Egorova (Tsaplya), Dmitri Vilensky, Artem Magun, Alexander Skidan, David Riff and Nicolai Oleinikov) is an art group based in St. Petersburg and Berlin. It presents a common creative platform for the exploration of artistic alternatives toward society's radical-democratic transformation. The newspaper "What is to be Done?" is FEZAProject's main organ in print.

The historical question "What is to be Done?" has become an international symbol, originating from the Russian context of literature and revolutionary politics (Cherneyshevsky-Lenin). Today, this question becomes acute yet again as a call for art to reclaim for spaces for criticism and activism.

contact: dv@fezaprojects.com

иллюстрации/pictures:

Д. Виленский/D. Vilensky: видео кадры из фильма "Говорит Негри" | stills from video "Negri speaks"

в оформлении использованы/ in desighn were used:

фрагменты картин Г. Коржева, В. Попкова, Диего Ривера | G. Korgev, V. Popkov, Diego Riviera

Перевод/Translations:

Давид Рифф/David Riff: русско-английский перевод, Russian-English

Томас Атцерт/Thomas Atzert: речь Тони Негри | talk by Tony Negri (Italian-English)

Александр Скидан/Alexander Skidan: речь Тони Негри | talk by Tony Negri

Дмитрий Виленский/Dmitry Vilensky: биография Тони Негри | Negri's biography,

Благодарим за поддержку и сотрудничество/Thanks:

Enrico Sorbello, А. Пензина, О. Тимофееву

Группа поддержки и участники акции "Стоп-машина": Д. Конрадт, Г. Ершов, А. Ключанов, И. Баскин, В. Майзель, Е. Майзель, А. Печникова, Глюкля, А. Смирнов

(C) Juha Siltala "WORK" was first published at Suomen Kuvalehti/Mies 1/2003

copyleft